

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1, 2025. Март

Журнал основан в 2024 г. и издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

Бабаев Кирилл Владимирович, директор ИКА РАН — председатель

Абдулаев Шерзод Маджидович, директор Института перспективных международных исследований УМЭД (Узбекистан)

Абдырахманов Толобек Абылович, ректор Кыргызского национального университета (Кыргызстан)

Арипов Элдор Тахирович, директор Института стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан)

Блохин Александр Викторович, Чрезвычайный и полномочный посол, советник директора ИКА РАН (Россия)

Бордачев Тимофей Вячеславович, научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ (Россия)

Вижай Тхакур Сингх, генеральный директор Индийского совета по международным делам (Индия)

Курмангалиева Жанна Дулатовна, проректор Евразийского национального университета им. Л.С. Гумилева (Казахстан)

Лихачева Анастасия Борисовна, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Россия)

Лукин Александр Владимирович, научный руководитель ИКА РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Россия)

Муканбетов Санжар Турдукожоевич, директор Национального института стратегических исследований (Кыргызстан)

Притчин Станислав Александрович, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Сафранчук Иван Алексеевич, директор Центра евразийских исследований МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Стерник Александр Вадимович, директор Третьего департамента стран СНГ МИД РФ

Торкунов Анатолий Васильевич, ректор МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Тукумов Еркин Валитханович, директор Казахстанского института стратегических исследований (Казахстан)

Шагеева Рауза Абдрахмановна, вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Россия)

Усмонзода Хайридин Усмон, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан)

Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета (Китай)

Редакция:

Д.П. Новиков (главный редактор), Л.А. Шашок (зам. главного редактора),
Г.О. Халова (зам. главного редактора), Н.И. Иллерицкий (секретарь редакции),
Е.А. Козлова (помощник главного редактора)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (499) 124-02-17

Е-mail: eurasianresearch@iccaras.ru

Сайт журнала: <http://eurasianresearch.ru>

Учредитель и издатель: Институт Китая и современной Азии РАН

Евразийские исследования*Научный журнал***Электронная версия**

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87180 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3380

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87051 от 19.03.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3372

DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.85.001

Подписано в печать 25.03.2025.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Михневич С.В.</i> Движение к Центру Азии: перспективы и механизмы укрепления японского влияния в Центрально-Азиатском регионе в формате «C5+1»	5
<i>Николаев Н.А.</i> Второй саммит «Китай — Центральная Азия»: риски от институционализации формата растут?	18
<i>Новиков Д.П.</i> Политика Индии в Центральной Азии: структурная роль и возможный вклад в развитие системы региональной безопасности	31
<i>Сафранчук И.А., Свистунов Н.А.</i> Роль государств Центральной Азии во внешней политике Франции	49
<i>Сорокин А.В.</i> Стратегия японского правительства по продвижению концепции устойчивого развития в странах Центральной Азии	56
<i>Спрыгин А.С.</i> Внешние факторы в развитии конфессиональной политики в Центральной Азии: кейс Комиссии США по международной религиозной свободе	69
<i>Шашок Л.А., Козлова Е.А.</i> Китайско-пакистанский экономический коридор: оценка текущих рисков	78

ОБЗОРЫ МЕРОПРИЯТИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

I Международная молодежная научная конференция «Новая Евразия: пути интеграции и сотрудничества» в Институте Китая и современной Азии РАН	87
---	----

CONTENTS

ACADEMIC PAPERS

<i>Mikhnevich S.V.</i> Moving to the Center of Asia: Prospects and Mechanisms of Japanese Influence in Central Asia under the “C5+1” Framework	5
<i>Nikolaev N.A.</i> The Second China — Central Asia Summit: Are the Risks from Institutionalization of the Format Growing?	18
<i>Novikov D.P.</i> India's Policy in Central Asia: Structural Role and Possible Contribution to the Development of the Regional Security System ...	31
<i>Safranchuk I.A., Svistunov N.A.</i> The Role of Central Asian States in the Foreign Policy of France	49
<i>Sorokin A.V.</i> The Strategy of the Japanese Government to Promote the Concept of Sustainable Development in Central Asian Countries	56
<i>Sprygin A.S.</i> External Factors in the Development of Confessional Policy in Central Asia: the Case of the U.S. Commission on International Religious Freedom	69
<i>Shashok L.A., Kozlova E.A.</i> China-Pakistan Economic Corridor: Current Risk Assessment	78

REVIEWS OF EVENTS

I International Youth Scientific Conference “New Eurasia: Paths of Integration and Cooperation” at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences	87
--	----

С.В. Михневич

Движение к Центру Азии: перспективы и механизмы укрепления японского влияния в Центрально-Азиатском регионе в формате «C5+1»

Аннотация. В рамках настоящей статьи на примере политики Японии анализируется рост вовлеченности в динамику отношений в Центрально-Азиатском регионе внерегиональных акторов, а также рассматриваются ключевые двусторонние и многосторонние механизмы с японским участием, в частности, Азиатский банк развития (АБР), программа Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества (ЦАРЭС) и формат «C5+1». Автор отмечает, что существенными ограничителями наращивания японского влияния в регионе выступает текущее состояние и накопленный опыт торгово-экономического взаимодействия, расхождения в понимании важнейших приоритетов и задач сотрудничества, а также конкуренция со стороны ведущих партнеров стран региона — России и КНР.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, торгово-экономическое сотрудничество, «C5+1», Россия, КНР, США, ЦАРЭС, АБР, многосторонние институты международного сотрудничества.

Автор: Михневич Сергей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-3662-9022.
E-mail: sxzex@yandex.ru

Sergey V. Mikhnevich

Moving to the Center of Asia: Prospects and Mechanisms of Japanese Influence in Central Asia under the “C5+1” Framework

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the increased engagement of external actors in the region of Central Asia. The author considers the policy of Japan in the region, as well as key bilateral and multilateral mechanisms involving Japan, such as Asia Development Bank (ADB), Central Asia Regional Economic Cooperation pro-

gram (CAREC), “C5+1” framework. The author concludes that the most important barriers for increasing Japan's influence in the region are historical experience, the current condition of trade and economic partnership, divergence in the priorities and goals of cooperation, as well as competition of the key partners of Central Asian countries, namely Russia and China.

Keywords: Japan, Central Asia, trade and development cooperation, “C5+1”, Russia, the PRC, the USA, CAREC, ADB, multilateral institutions of cooperation.

Author: *Mikhnevich, Sergey V.*, Candidate of Sciences (Political sciences), senior researcher at the Center for Central Asian studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3662-9022.
E-mail: sxzex@yandex.ru

Последние годы демонстрируют рост вовлеченности в динамику отношений в Центральной Азии внерегиональных акторов, ключевыми из которых выступают КНР, США и ЕС. Одним из его триггеров стало начало специальной военной операции (СВО) Российской Федерации на Украине в 2022 г., в связи с чем в отношении России рядом стран были введены нелегитимные односторонние рестрикции. Вместе с тем их эффективность существенно снижается благодаря использованию возможностей государств Центральной Азии для противодействия давлению. По этой причине недружественные государства заинтересованы в нанесении ущерба российским интересам в регионе и максимизации российских издержек в связи с санкциями [Первый формальный саммит стран...], а также в «разъединении» экономик стран региона с Россией [Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик»...]. Нарращивают региональную активность и акторы, с которыми у нашей страны дружественные отношения, такие как Китай.

В числе целей, преследуемых такими внерегиональными игроками, как ЕС, можно также отметить формирование транспортно-логистических коридоров между Европой и Азией [Полный текст Сианьской декларации...], альтернативных тем, которые проходят по территории России. Вместе с тем происходит активное включение стран региона в реализацию «зеленой повестки» [Саммит ЦА—ЕС...], а также наращивание взаимной торговли [Second EU—Central Asia Economic Forum]. Продемонстрировать серьезность намерений призваны вновь создаваемые или «перезагружаемые» диалоговые форматы высокого и высшего уровней, инициаторами которых выступают США [C5+1 Diplomatic Platform...], ЕС [Policy Dialogue between Central Asia and European Union... / Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University site], КНР [Полный текст Сианьской декларации...], а также участники инициатив, фиксируемых в ходе соответствующих мероприятий. Последние демонстрируют значимость сотрудничества с центральноазиатскими партнерами, а их реализации должна способствовать работа постоянно действующих секретариатов [Запущен секретариат механизма...].

Вместе с тем целесообразно отметить следующую особенность политики недружественных акторов в отношении региона. Имеет место существенный разрыв между декларативными заявлениями и фактическим положением вещей.

Так, торговля США со странами Центральной Азии в 2021 г. (до начала СВО и последовавшего затем роста российской торговли с регионом), составила 3,35 млрд долл. против 36,9 млрд долл. у России, т. е. в 11 раз меньше¹. На этом фоне постулирование цели США на разрыв экономического сотрудничества Центральной Азии с Россией, с одной стороны, носит декларативный характер из-за объективной невозможности заменить нашу страну в торговле², а с другой — является серьезной угрозой для регионального развития, которую следует артикулировать в отношениях с центральноазиатскими государствами.

Аналогичная ситуация имеет место в отношениях ЕС и стран региона. Необходимо учитывать, что, хотя по совокупному объему торговли наша страна уступает «объединенной Европе» (в 2022 г. объем торговли Центральной Азии с Россией оценивался в 42 млрд долл. (+6 млрд долл. к 2021 г.), а с ЕС — в 47 млрд долл. (+20 млрд долл. к в 2021 г.) [Почему Россия уступает позиции...], она превосходит по объективной значимости для центральноазиатских стран любое другое европейское государство. При этом нельзя забывать, что их внешнеторговые интересы нередко серьезно различаются, а очень часто их экономические операторы конкурируют друг с другом. Данное обстоятельство также должно использоваться в выстраивании и реализации российской стратегии в регионе.

В число внерегиональных акторов, нацеленных на существенное укрепление собственного влияния в Центральной Азии, входит и Япония. Интересно, что формат «C5+1» появился свыше двадцати назад лет именно в виде японской инициативы. С тех пор между Японией и странами региона прошло 16 встреч на уровне глав МИД и их заместителей [Амбиции Японии в Центральной Азии...].

Первый деловой форум «C5 + Япония» состоялся 9 августа 2024 г. в столице Казахстана, Астане. Его целью было вывести многоплановое партнерство на новый уровень. Форум должен был посетить тогдашний японский премьер-министр Фумио Кисида, который был вынужден пересмотреть планы из-за обрушившихся на страну стихийных бедствий [Премьер Японии отложил визит...]. В бизнес-форуме приняли участие не только представители пяти государств региона, но и свыше ста японских компаний и организаций. В рамках мероприятия был подписан ряд документов, нацеленных на реализацию совместных проектов.

По мнению В.Г. Швыдко, «интерес японского правительства к региону обусловлен прежде всего политическими факторами. Это, во-первых, стремление обозначить глобальную роль Японии как субъекта международных отношений, присутствие которой должно быть заметным во всех основных регионах, особенно на азиатском континенте. Во-вторых, это желание на дипломатическом фронте составить конкуренцию Китаю, который действительно воспринимается в Японии как главный международный вызов для страны на обозримую перспективу» [Амбиции Японии в Центральной Азии ...].

¹ Расчеты автора по данным [UNCTAD Stat.].

² Помимо отсутствия условий для обеспечения комплиментарности торговли из-за различных структур, это и географическое положение США и стран Центральной Азии, которые являются государствами, не имеющими выхода к морю.

Япония традиционно активно предоставляла официальную помощь развитию (ОПР) странам региона и принимала участие в различных программах, направленных на развитие их торговли и производств. О.А. Добринская обращает внимание на лозунг японской ОПР — «помощь во имя самопомощи» — и отмечает, что «ее основными отличительными чертами являлись географическая ориентация на регион Восточной и Юго-Восточной Азии, преобладание в структуре ОПР не грантов, а льготных межправительственных (иеновых) займов, что объяснялось собственным японским опытом с тех времен, когда Япония сама была получателем международной помощи, направленностью займов на возведение экономической инфраструктуры, являющейся основой национального строительства в развивающемся мире» [Добринская, 2020].

Для реализации политики в области ОПР Япония активно использует как двусторонние механизмы, так и различные многосторонние форматы, например, Азиатский банк развития (АБР, ADB). Так, на основе расчетов автора по данным ОЭСР, совокупный объем ОПР, предоставленной Японией пятерке региональных государств с 1991 по 2022 г., составил 4,43 млрд долл. [OECD Data Explorer. Japanese ODA to Central Asia].

По состоянию на ноябрь 2024 г. АБР, в котором Япония является крупнейшим акционером, направлены средства на реализацию в общей сложности 811 проектов на сумму в 25,518 млрд долл. в странах центральноазиатской «пятерки»¹.

Таблица 1. Проекты Азиатского банка развития в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан)

Страна	Число проектов	Стоимость, млрд долл.
Казахстан	145	6,685
Кыргызстан	221	2,627
Таджикистан	159	2,445
Туркменистан	14	0,634
Узбекистан	272	13,127
Всего	811	25,518

Источник: расчеты автора на основе данных АБР.

Также АБР принимает активное участие в реализации комплексной программы Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества (ЦАРЭС), которая представляет собой комплекс мер, нацеленный на расширение торговли в регионе, улучшение конкурентоспособности бизнеса в странах-членах программы через реализацию региональных проектов в области транспорта, энергетики, торговой политики, содействия торговле и развития

¹ Расчеты автора на основе данных [ADB Projects Dashboard].

экономических коридоров [Что представляет собой Программа ЦАРЭС]. В программе принимают участие 11 государств Центральной Азии, Восточной Азии и Закавказья: Афганистан, Азербайджан, Грузия, Казахстан, КНР, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан [What is CAREC?]. К.И. Искандаров и И.А. Сафранчук считают, что «программа ЦАРЭС пыталась преодолеть конкуренцию за Центральную Азию, которая стала более активно разворачиваться в 2000-е годы, и обеспечить региону развитие в более кооперативном ключе» [Искандаров, Сафранчук, 2016].

Партнерами по реализации проектов ЦАРЭС наряду с государствами, направляющими средства для софинансирования проектов, выступают ведущие многосторонние институты, предоставляющие льготные займы и техническое содействие. Их перечень наряду с АБР включает в себя Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный валютный фонд (МВФ), Исламский банк развития, Программу развития ООН, Всемирный банк [Development Partners of CAREC].

Долгосрочная стратегическая рамочная структура программы ЦАРЭС до 2030 г. (ЦАРЭС 2030) «Соединяя регион для совместного и устойчивого развития» (принята в 2017 г.) фокусируется на пяти операционных кластерах:

- экономическая и финансовая стабильность;
- торговля, туризм и экономические коридоры;
- инфраструктура и экономическая связанность;
- сельское хозяйство и водные ресурсы;
- человеческое развитие [ЦАРЭС 2030. Соединяя регион для совместного и устойчивого развития, 2017].

По состоянию на декабрь 2023 г. ЦАРЭС мобилизовала инвестиции в размере свыше 51 млрд долл. [CAREC Project Portfolio] на реализацию 575 проектов, из которых 364 уже завершены [CAREC Projects list]. В октябре 2024 г. был одобрен еще один транспортный проект в Казахстане стоимостью почти 531,7 млн долл. [Central Asia Regional Economic Cooperation Corridors...].

Таблица 2. Проекты ЦАРЭС в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан)

Страна	Число проектов	Стоимость, млрд долл. (доля в общем объеме финансирования проектов ЦАРЭС)
Казахстан	66	9,48 (18,7 %)
Кыргызстан	88	2,94 (5,8 %)
Таджикистан	90	3,46 (6,8 %)
Туркменистан	17	2,21 (4,3 %)
Узбекистан	69	13,04 (24,7 %)
Всего	330	31,13 (60,3 %)

Источник: расчеты автора на основе данных ЦАРЭС.

Диаграмма 1. Распределение финансирования в проекты ЦАРЭС по источникам, млрд долл. *Источник:* [CAREC Project Portfolio].

Крупнейшим источником финансирования проектов ЦАРЭС стали средства партнеров по развитию из числа многосторонних институтов — 46 % от всего объема средств программы. За ними следуют АБР, на который приходится свыше 34,5 %, и инвестиции государств — членов ЦАРЭС — 19,5 % [CAREC Project Portfolio].

Крупнейшими отраслевыми направлениями, на реализацию проектов в которых направлялось финансирование ЦАРЭС, стали транспорт (67,4 % от общего объема финансирования программы) и энергетика (25 % от всех средств ЦАРЭС). Финансирование программой иных секторов существенно уступает двум вышеуказанным. По мнению К.И. Искандарова и И.А. Сафранчука столь серьезная асимметрия в распределении средств вызвана следующим фактором: «в рамках ЦАРЭС превалировал подход, что транспорт может играть ключевую роль в экономическом развитии региона. Причем в ЦАРЭС считали необходимым развивать не только инфраструктурные транспортные проекты, но и уделя-

Диаграмма 2. Распределение финансирования в проекты ЦАРЭС по секторам, млрд долл. *Источник:* [CAREC Project Portfolio].

ли большое внимание совершенствованию политики в области транспорта и регионального транспортного сотрудничества» [Искандаров, Сафранчук, 2016].

9 ноября 2024 г. в Астане прошла 23-я Министерская конференция ЦАРЭС. В ходе нее были одобрены новый План действий по изменению климата (ПДИК), а также Среднесрочный обзор Стратегии ЦАРЭС 2030, в котором помимо прочего рекомендовалось активизировать региональное сотрудничество и усилить операции в направлении климатически оптимизированного развития и региональных общественных благ. Кроме того, был запущен специальный Фонд подготовки проектов по климату и устойчивому развитию ЦАРЭС (ФППКУР) [Что решили министры...]. На полях заседания АБР также подписал соглашения о первых взносах в новый фонд с Министерством финансов КНР и Министерством экономики и финансов Республики Корея, которые обязались выделить средства ФППКУР в размере 5 млн долл. [Китай и Корея внесли 5 млн долл. ...].

Несмотря на серьезную активность многосторонних форматов, созданных при непосредственном участии Японии, по объему торговли со странами Центральной Азии она существенно уступает другим партнерам региона из числа третьих стран и организаций. Так, расчеты на основе статистических данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) продемонстрировали, что по итогам 2023 г. совокупный объем торговли Японии со странами Центральной Азии (2,02 млрд долл.) составил лишь 2,26 % от китайской торговли с регионом (89,42 млрд долл.) и 5,9 % от российского товарооборота со странами Центральной Азии (34,16 млрд долл.).

Таблица 3. Торговля КНР, Российской Федерации и Японии со странами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) в 2023 г.

Страна	Экспорт в Центральную Азию, млрд долл.	Импорт из Центральной Азии, млрд долл.	Товарооборот, млрд долл.
КНР	61,44	27,98	89,42
Российская Федерация	21,5	12,6	34,16
Япония	1,32	0,704	2,02

Источник: расчеты автора на основе данных [UNCTAD Stat.].

Разумеется, в условиях высокой международной неопределенности Япония заинтересована в расширении присутствия на довольно перспективном растущем рынке Центральной Азии, к тому же расположенном на относительно небольшом расстоянии. На решение данной задачи в том числе и нацелен японский формат «C5+1». Японские компании действительно могли бы стать донорами технологий для стран региона, стимулируя производительность и повышая их темпы экономического роста. Страны региона в свою очередь могли бы нарастить поставки ресурсов, представляющих интерес для японской стороны.

Однако можно выделить несколько факторов, которые заставляют, как минимум, с осторожностью относиться к перспективам кардинального укрепления позиций Японии в регионе. Первое — это наличие серьезных конкурентов в виде Китая и России, гораздо более интегрированных в региональные экономические

процессы, причем на системном уровне, в том числе через членство в международных организациях и заключение международных соглашений. Так, и у Китая, и у России есть двусторонние или многосторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций со всей «пятеркой» стран Центральной Азии. В то же время Япония заключила такие соглашения только с Казахстаном (2014) и Узбекистаном (2008), причем наиболее свежему из них уже более десяти лет [International Investment Agreements Navigator].

Второе — это зависимость торговли Японии с Центральной Азией от наиболее удобных транспортных коммуникаций, проходящих по территории вышеупомянутых конкурентов. Перенос ее перспективных объемов на другие маршруты может привести к существенному росту издержек и, как следствие, падению конкурентоспособности. Можно сказать, что «географию никто не отменял». Кроме того, японские планы по наращиванию связанности Центральной Азии и Европы в обход России [Kishida to announce Central Asia aid package], разумеется, не будут благоприятствовать использованию транзитных возможностей нашей страны для укрепления японской торговли со странами региона.

Третье — это неоднозначные перспективы и будущее японских проектов в регионе в условиях нестабильной меняющейся среды и недостаточного успешного опыта взаимодействия с институтами центральноазиатских государств. В результате может возникнуть существенное расхождение между ожидаемыми и фактическими результатами проектов японского бизнеса, даже при наличии серьезной поддержки по линии государства в 2,1 млрд долл. [Japan to offer \$2bn...]. Более того, уже неоднократно наблюдалось, что предыдущие попытки японских властей не давали желаемого результата. Так, знаковое турне японского премьер-министра Синдзо Абэ по Центральной Азии в октябре 2015 г., в ходе которого были заключены соглашения на сумму в общей сложности 27 млрд долл. [Мурашкин, Акылбаев, 2017], не получило столь значимого практического подтверждения в статистике торгово-инвестиционного сотрудничества Японии со странами региона.

Четвертое — нельзя забывать и о том, что повестка социально-экономического развития стран региона не ограничивается декарбонизацией и цифровизацией, но объективно требует серьезных долгосрочных вложений в инфраструктуру и «физические» производственные мощности. А насколько преуспеют в решении столь сложных задач японские компании — большой вопрос.

Вместе с тем для Российской Федерации важно корректно учитывать в реализации собственной стратегии в регионе цели и опыт сотрудничества других внерегиональных государств со странами Центральной Азии, таких как Япония. Это важно, с одной стороны, для повышения эффективности собственных инструментов региональной политики и противодействия потенциальному негативному влиянию третьих стран. С другой — положительные результаты сотрудничества внерегиональных акторов для развития стран региона могут способствовать дальнейшему улучшению в них экономической ситуации. А это может благоприятно сказаться на продвижении национальных экономических интересов нашей страны и укреплении позиций российского бизнеса в перспективном регионе.

Библиографический список

Амбиции Японии в Центральной Азии и «китайский фактор». Centralasia.news. 25.08.2024. URL: <https://centralasia.news/31052-ambicii-japonii-v-centralnoj-azii-i-kitajskij-faktor.html> (дата обращения: 14.11.2024).

Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик» России и стран Центральной Азии. ТАСС. 14.09.2022 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15751827> (дата обращения: 14.11.2024).

Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(3). С. 86—111.

Запущен секретариат механизма сотрудничества Китай — Центральная Азия. Russian.china.org.cn. 30. 03. 2024. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-03/30/content_117096230.htm (дата обращения: 14.11.2024).

Искандаров К.И., Сафранчук И.А. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016, № 1 (66).

Китай и Корея внесли \$5 млн в новый климатический фонд для стран ЦАРЭС. Economist.kg. 11.11.2024. URL: <https://economist.kg/dengi/2024/11/11/kitai-i-korieia-vniesli-5-mln-v-novyi-klimatichieskii-fond-dlia-stran-tsares/> (дата обращения: 14.11.2024).

Мурашкин Н., Акылбаев И. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. Российский совет по международным делам (РСМД). 20.06.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentrlnay-a-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (дата обращения: 14.11.2024).

Первый формальный саммит стран ЕС и ЦА состоится в Узбекистане в апреле. Daryo. 31.01.2024. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/01/31/pervyj-formalnyj-sammit-stran-es-i-ca-sostoitsa-v-uzbekistane-v-aprele> (дата обращения: 14.11.2024).

Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай — Центральная Азия». Синьхуа новости. 19.05.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230519/ee695839ae1746f2817a6cdae02d3f87/c.html> (дата обращения: 14.11.2024).

Почему Россия уступает позиции в Центральной Азии. РБК. 21.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (дата обращения: 14.11.2024).

Премьер Японии отложил визит в Астану. Sputnik. 09.08.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240809/vizit-premera-yaponii-v-astanu-pod-voprosom-46183369.html> (дата обращения: 14.11.2024).

Саммит ЦА—ЕС: стало известно, о чем договорились главы государств в Чолпон-Ате. NUR.KZ. 2.06.2023. URL: <https://www.nur.kz/politics/universe/2023193-sovmestnoe-press-kommu-nike-glav-gosudarstv-tsentrlnoy-azii-i-prezidenta-evrosoveta/> (дата обращения: 14.11.2024).

ЦАРЭС 2030. Соединяя регион для совместного и устойчивого развития. Октябрь 2017 г. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/2017-CAREC-2030-ru.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

Что представляет собой Программа ЦАРЭС. Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/4423> (дата обращения: 14.11.2024).

Что решили министры на 23-й Министерской конференции ЦАРЭС в Астане. Новости Узбекистана. 9.11.2024. URL: <https://nuz.uz/2024/11/09/chto-reshili-ministry-na-23-j-ministerskoj-konferencii-czares-v-astane/> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard. ADB. URL: <https://data.adb.org/search/content/type/dashboard> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard in Kazakhstan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/kazakhstan-numbers> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard in Kyrgyz republic. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/kyrgyz-republic-numbers> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard in Tajikistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/tajikistan-numbers> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard in Turkmenistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/turkmenistan-numbers> (дата обращения: 14.11.2024).

ADB Projects Dashboard in Uzbekistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/uzbekistan-numbers> (дата обращения: 14.11.2024).

C5+1 Diplomatic Platform. The U.S. Department of State. 23.02.2023. URL: <https://www.state.gov/c51-diplomatic-platform/> (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC in Kazakhstan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=6 (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC in Kyrgyz Republic. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=7 (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC in Tajikistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=10 (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC in Turkmenistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=11 (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC in Uzbekistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=12 (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC Project Portfolio. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/projects/portfolio> (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC Projects in C5. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: [https://www.carecprogram.org/?page_id=1726&paged=1&country\[\]=kazakhstan&country\[\]=kyrgyz-republic&country\[\]=tajikistan&country\[\]=turkmenistan&country\[\]=uzbekistan](https://www.carecprogram.org/?page_id=1726&paged=1&country[]=kazakhstan&country[]=kyrgyz-republic&country[]=tajikistan&country[]=turkmenistan&country[]=uzbekistan) (дата обращения: 14.11.2024).

CAREC Projects list. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=1726 (дата обращения: 14.11.2024).

Central Asia Regional Economic Cooperation Corridors 1, 2, and 6 Connector Road (Kyzylorda—Zhezkazgan) Reconstruction Project/ Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/?project=central-asia-regional-economic-cooperation-corridors-1-2-and-6-connector-road-kyzylorda-zhezkazgan-reconstruction-project> (дата обращения: 14.11.2024).

Development Partners of CAREC. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=1729 (дата обращения: 14.11.2024).

International Investment Agreements Navigator. UNCTAD. 14.11.2024. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/> (дата обращения: 14.11.2024).

Japan to offer \$2bn in trade support for Central Asia projects. Nikkei. 6.08.2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-to-offer-2bn-in-trade-support-for-Central-Asia-projects> (дата обращения: 14.11.2024).

Kishida to announce Central Asia aid package. Japan Times. 1.08.2024. URL: <https://www.japan-times.co.jp/news/2024/08/01/japan/kishida-to-visit-central-asia/> (дата обращения: 14.11.2024).

OECD Data Explorer. Japanese ODA to Central Asia. OECD. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?pg=0&snb=1&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_DAC2%40DF_DAC2A&df\[ag\]=OECD.DCD.FSD&df\[vs\]=&pd=1991%2C2022&dq=JPN.UZB%2BTKM%2BTJK%2BKGZ%2BKAZ.206.USD.V&to\[TIME_PERIOD\]=false&lc=en&lb=bt](https://data-explorer.oecd.org/vis?pg=0&snb=1&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_DAC2%40DF_DAC2A&df[ag]=OECD.DCD.FSD&df[vs]=&pd=1991%2C2022&dq=JPN.UZB%2BTKM%2BTJK%2BKGZ%2BKAZ.206.USD.V&to[TIME_PERIOD]=false&lc=en&lb=bt) (дата обращения: 14.11.2024).

Policy Dialogue between Central Asia and European Union: Reaffirmation of Interests. Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University site. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/policy-dialogue-between-central-asia-and-european-union-reaffirmation-of-interests/> (дата обращения: 14.11.2024).

Second EU-Central Asia Economic Forum. EU, Central Asia Invest. URL: <https://eu-cai.org/2nd-eu-central-asia-economic-forum/> (дата обращения: 14.11.2024).

UNCTAD Stat., UN Trade and Development Data Hub. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 14.11.2024).

What is CAREC? Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (дата обращения: 14.11.2024).

References

ADB Projects Dashboard. ADB. URL: <https://data.adb.org/search/content/type/dashboard> (accessed: 14 November 2024).

ADB Projects Dashboard in Kazakhstan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/kazakhstan-numbers> (accessed: 14 November 2024).

ADB Projects Dashboard in Kyrgyz republic. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/kyrgyz-republic-numbers> (accessed: 14 November 2024).

ADB Projects Dashboard in Tajikistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/tajikistan-numbers> (accessed: 14 November 2024).

ADB Projects Dashboard in Turkmenistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/turkmenistan-numbers> (accessed: 14 November 2024).

ADB Projects Dashboard in Uzbekistan. ADB. URL: <https://data.adb.org/dashboard/uzbekistan-numbers> (accessed: 14 November 2024).

Ambitions of Japan in Central Asia and “Chinese factor” (Ambicii Japonii v Central'noj Azii i «kitajskij faktor»). Centralasia.news. 25.08.2024. URL: <https://centralasia.news/31052-ambicii-japonii-v-centralnoj-azii-i-kitajskij-faktor.html> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

C5+1 Diplomatic Platform. The U.S. Department of State. 23.02.2023. URL: <https://www.state.gov/c51-diplomatic-platform/> (accessed: 14 November 2024).

CAREC 2030: Connecting the Region for Shared and Sustainable Development (CAREC 2030) (CAREC 2030. Soedinjaja region dlja sovmestnogo i ustojchivogo razvitija. Oktjabr' 2017 g.). Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/2017-CAREC-2030-ru.pdf> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

CAREC in Kazakhstan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=6 (accessed: 14 November 2024).

CAREC in Kyrgyz Republic. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=7 (accessed: 14 November 2024).

CAREC in Tajikistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=10 (accessed: 14 November 2024).

CAREC in Turkmenistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=11 (accessed: 14 November 2024).

CAREC in Uzbekistan. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=12 (accessed: 14 November 2024).

CAREC Project Portfolio. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/projects/portfolio> (accessed: 14 November 2024).

CAREC Projects in C5. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: [https://www.carecprogram.org/?page_id=1726&paged=1&country\[\]=kazakhstan&country\[\]=kyrgyz-republic&country\[\]=tajikistan&country\[\]=turkmenistan&country\[\]=uzbekistan](https://www.carecprogram.org/?page_id=1726&paged=1&country[]=kazakhstan&country[]=kyrgyz-republic&country[]=tajikistan&country[]=turkmenistan&country[]=uzbekistan) (accessed: 14 November 2024).

CAREC Projects list. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=1726 (accessed: 14 November 2024).

Central Asia Regional Economic Cooperation Corridors 1, 2, and 6 Connector Road (Kyzylorda—Zhezkazgan) Reconstruction Project. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: <https://www.carecprogram.org/?project=central-asia-regional-economic-cooperation-corridors-1-2-and-6-connector-road-kyzylorda-zhezkazgan-reconstruction-project> (accessed: 14 November 2024).

China and Korea to deposit \$5 mln to the new Climate fund of CAREC (Kitaj i Koreja vnesli \$5 mln v novyj klimaticheskij fond dlja stran CAREC). Economist.kg 11.11.2024. URL: <https://economist.kg/dengi/2024/11/11/kitaj-i-korieia-vniesli-5-mln-v-novyi-klimatichieskii-fond-dlia-stran-tsares/> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Department of the State: the US goal should be disconnection of economies of Russia and Central Asian countries (Gosdep: cel'ju SShA dolzhno byt' "raz#edinenie jekonomik" Rossii i stran Central'noj Azii). TASS. 14.09.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15751827> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Development Partners of CAREC. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=1729 (accessed: 14 November 2024).

Dobrinskaya O.A. Official Development Assistance in Japan's Strategy in Central Asia (Dobrinskaja O.A. Rol' oficial'noj pomoshhi razvitiu v strategii Japonii v Central'noj Azii). MGIMO REVIEW OF INTERNATIONAL RELATIONS. 13(3), 2020 p. 86—111.

International Investment Agreements Navigator. UNCTAD. 14.11.2024. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/> (accessed: 14 November 2024).

Iskandarov K.I., Safranchuk I.A. The Programme of Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC). (Iskandarov K.I., Safranchuk I.A. Programma Central'noaziatskogo regional'nogo jekonomicheskogo sotrudnichestva (CARJeS)). Bulletin of TSULBP. Social sciences. 2016, № 1 (66).

Japan to offer \$2bn in trade support for Central Asia projects. Nikkei 6.08.2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-to-offer-2bn-in-trade-support-for-Central-Asia-projects> (accessed: 14 November 2024).

Japanese Premier postponed visit to Astana (Prem'er Japonii otlozhil vizit v Astanu)/ Sputnik.kz. 9.08.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240809/vizit-premera-yaponii-v-astanu-pod-voprosom-46183369.html> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Kishida to announce Central Asia aid package. Japan Times. 1.08.2024. URL: <https://www.japan-times.co.jp/news/2024/08/01/japan/kishida-to-visit-central-asia/> (accessed: 14 November 2024)

Murashkin N., Akyibaev Y. Japan and Central Asia: silent partnership engaging nonregional actors (Murashkin N., Akyibaev Y. Japonija i Central'naja Azija: «tihoe» partnerstvo s privilecheniem vneregional'nyh igrokov). Russian International Affairs Council. 20.06.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

OECD Data Explorer. Japanese ODA to Central Asia. OECD. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?pg=0&snb=1&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_DAC2%40DF_DAC2A&df\[ag\]=OECD.DCD.FSD&df\[vs\]=&pd=1991%2C2022&dq=JPN.UZB%2BTKM%2BTJK%2BKGZ%2BKAZ.206.USD.V&to\[TIME_PERIOD\]=false&lc=en&lb=bt](https://data-explorer.oecd.org/vis?pg=0&snb=1&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_DAC2%40DF_DAC2A&df[ag]=OECD.DCD.FSD&df[vs]=&pd=1991%2C2022&dq=JPN.UZB%2BTKM%2BTJK%2BKGZ%2BKAZ.206.USD.V&to[TIME_PERIOD]=false&lc=en&lb=bt) (accessed: 14 November 2024).

Policy Dialogue between Central Asia and European Union: Reaffirmation of Interests. Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University site. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/policy-dialogue-between-central-asia-and-european-union-reaffirmation-of-interests/> (accessed: 14 November 2024).

Second EU-Central Asia Economic Forum. EU. Central Asia Invest. URL: <https://eu-cai.org/2nd-eu-central-asia-economic-forum/> (accessed: 14 November 2024).

The Central Asia — EU summit: what the leaders of the states decided in Cholpan-Ata (Sammit CA — ES: stalo izvestno, o chem dogovorilis' glavy gosudarstv v Cholpon-Ate). NUR.KZ. 2.06.2023. URL: <https://www.nur.kz/politics/universe/2023193-sovmestnoe-press-kommyunike-glav-gosudarstv-tsentralnoj-azii-i-prezidenta-evrosoveta/> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

The first formal summit of the EU and Central Asia will be hold in Uzbekistan in April (Pervyj formal'nyj sammit stran ES i CA sostoitsja v Uzbekistane v aprele). Daryo. 31.01.2024. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/01/31/pervyj-formal'nyj-sammit-stran-es-i-ca-sostoitsa-v-uzbekistane-v-aprele> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

The Secretariat of China — Central Asia partnership starts operations (Zapushhen sekretariat mehanizma sotrudnichestva Kitaj-Central'naja Azija). Russian.china.org.cn. 30. 03. 2024. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-03/30/content_117096230.htm (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

UNCTAD Stat., UN Trade and Development Data Hub. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed: 14 November 2024).

What is CAREC program? (Chto predstavljaet soboj Programma CARJeS). Ministry of economy and commerce of Kyrgyz Republic. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/4423> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

What is CAREC? Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (accessed: 14 November 2024).

What ministers decided at the 23rd CAREC Ministerial Conference in Astana (Chto reshili ministry na 23-j Ministerskoj konferencii CARJeS v Astane). Uzbekistan news. 9.11.2024. URL: <https://nuz.uz/2024/11/09/chto-reshili-ministry-na-23-j-ministerskoj-konferenczii-czares-v-astane/> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Why Russia is stepping down its positions in Central Asia (Pochemu Rossiya ustupaet pozicii v Central'noj Azii). RBC. 21.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Xian declaration of China — Central Asia Summit. Full text (Polnyj tekst Sian'skoj deklaracii sammita “Kitaj — Central'naja Azija»). Xinhua news. 19.05.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230519/ee695839ae1746f2817a6cdae02d3f87/c.html> (accessed: 14 November 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию: 01.12.2024.
Принята к публикации: 20.12.2024.

Received: 1 December 2024.
Accepted: 20 December 2024.

Н.А. Николаев

Второй саммит «Китай—Центральная Азия»: риски от институционализации формата растут?

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции роста рисков институционализации формата диалога «Центральная Азия—Китай» («ЦА—Китай») для интересов России и политической солидарности внутри Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В июне 2025 г. в Астане пройдет 2-й саммит «Китай—Центральная Азия», который наметит его дальнейшую институционализацию. С 2023 г. процесс институционализации формата «ЦА—Китай» постепенно создает рамки будущей международной межправительственной организации с функциями, которые дублируют текущие функции ШОС. В официальных документах Россия декларирует важность развития ШОС и отводит ей особую роль в реализации политики «поворота на Восток», формировании «Большого евразийского партнерства» и развертывании проекта международного транспортного коридора «Север—Юг». В связи с этим дальнейшая институционализация формата «ЦА—Китай» может создать ограничения для реализации планов России и даже для защиты ее интересов в Центральной Азии. Планы институционализации формата «ЦА—Китай» также могут стать причиной усиления противостояния со стороны других крупнейших мировых игроков, таких как Соединенные Штаты, Индия, Евросоюз и Япония, которые в последние годы активно вовлекаются в центральноазиатские процессы, в том числе развивая диалог в формате «5+1» со странами региона.

Ключевые слова: формат «Центральная Азия—Китай», Большое евразийское партнерство, Россия, сообщество единой судьбы человечества, Индия, международный транспортный коридор «Север—Юг», инициатива «Пояса и пути».

Автор: *Николаев Николай Анатольевич*, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. ORCID: 0000-0001-8624-7829. E-mail: nikolaev.na@imemo.ru

Nikolai A. Nikolaev

The Second China—Central Asia Summit: Are the Risks from Institutionalization of the Format Growing?

Abstract. The article examines the trend connected with the growing risk of institutionalization of the “Central Asia—China” (“CA—China”) dialogue format for the interests of Russia and political solidarity within the Shanghai Cooperation Organization (SCO). In June 2025, Astana will host the 2nd China—Central Asia summit, which will outline further institutionalization. Since 2023, the process of institutionalization of the “CA—China” format has gradually created an institutional framework for a future international intergovernmental organization with functions that duplicate the existing functions of the SCO. In official documents Russia declares the importance of developing the SCO and assigns it a special role in implementing the “pivot to the

East” policy, forming the “Greater Eurasian Partnership” and deploying the international North — South transport corridor project. In this regard, further institutionalization of the “CA—China” format may create restrictions for the implementation of these Russian plans and even for protecting its interests in Central Asia. This circumstance is against the background of active attempts by the West and the United States to force a number of Central Asian countries to reduce the volume of trade and economic cooperation with Russia in the context of sanctions pressure. Plans to institutionalize the “CA—China” format may also lead to increased opposition from other major global actors, such as the United States, India, the European Union and Japan, which have been actively involved in Central Asian processes in recent years, including developing a dialogue in the “5+1” format with the countries of the region.

Keywords: “Central Asia — China” format, Greater Eurasian Partnership, Russia, Community of Common Destiny for Mankind, India, the international North — South transport corridor, “Belt and Road” initiative.

Author: *Nikolaev Nikolai A.*, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0001-8624-7829. E-mail: nikolaev.na@imemo.ru

Потенциал разворачиваемой всесторонней институционализации формата «ЦА—Китай» все еще не исчерпан. В среднесрочной перспективе институционализация данного формата превратит его в новую международную организацию, функции которой во многом уже дублируют существующие в ШОС. Институционализация предполагает параллельное углубление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также повышение политического доверия между Китаем и «пятеркой» стран Центральной Азии. Последнее означает, что зависимость Центральной Азии от Китая будет только расти.

В мае 2023 г. в Сиане прошел 1-й саммит «Китай—Центральная Азия», который наметил всестороннюю институционализацию этого формата [Полный текст Сианьской декларации...]. В частности, в рамках его институционализации уже разработаны:

1) Секретариат механизма «ЦА—Китай», созданный в марте 2023 г., штаб-квартирой Секретариата определен город Сиань;

2) Деловой совет «Китай—Центральная Азия», который был создан в 2023 г.

В ближайшее время планируется создать механизмы встреч на уровне:

- председателей правительства;
- глав МИД;
- министров экономики;
- министров транспорта;
- глав других профильных министерств и ведомств.

Пекин подкрепляет институционализацию формата «ЦА—Китай» выделением финансовой помощи, которая в глобальном масштабе не такая большая, но ощутима в масштабах самой Центральной Азии. Так, в 2023 г. Китай выделил «пятерке» Центральной Азии около 4 млрд долл. в качестве помощи в содействии региональному развитию, а Пакистану и Афганистану — 60 млрд долл. на развитие железнодорожной инфраструктуры.

В последние годы Пекин продолжает наращивать экономическое присутствие в Центральной Азии. Так, в 2022 г. Китай более чем на 50 % увеличил импорт сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых из стран региона, а экспорт китайской электротехнической продукции в регион вырос на 42 %. Товарооборот КНР с «пятеркой» Центральной Азии в 2022 г. вырос до 70,2 млрд долл. Для сравнения: товарооборот ЕС с Центральной Азией увеличился с 27 до 47 млрд долл. Третье место среди внешнеторговых партнеров стран региона занимает Россия: за 2022 г. ее товарооборот с государствами региона вырос на 6 млрд долл. до 42 млрд долл.

По данным Министерства коммерции КНР, совокупный объем завершенных инвестиционных проектов Китая в пяти государствах Центральной Азии в 2022 г. составил 63,9 млрд долл. Вместе с тем в январе 2023 г. Си Цзиньпин заявил, что Пекин планирует нарастить ежегодный объем инвестиций в регион до 70 млрд долл.

Причины институционализации формата «Центральная Азия—Китай»

К причинам институционализации формата «ЦА—Китай» следует отнести заинтересованность стран Центральной Азии в углублении торгово-экономического сотрудничества с Китаем на фоне постковидной мировой экономики и введения Западом санкционных ограничений в отношении России. С другой стороны, страны Центральной Азии заинтересованы в координации совместных усилий во взаимоотношениях крупных внерегиональных игроков в формате «5+1».

В июле 2022 г. страны Центральной Азии подписали в Чолпон-Ате «договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке», который предусматривает координацию развития их сотрудничества с третьими сторонами в формате «5+1» [Указ Президента Республики Казахстан «О подписании...】. Необходимость такой договоренности актуализировалась на фоне политико-информационного давления со стороны коллективного Запада на Центральную Азию с целью ограничить торгово-экономическое взаимодействие с Россией, а также обусловлена той формулой, которая позволит более плотно развивать сотрудничество с крупными внерегиональными игроками, такими как США, Китай, Евросоюз, Индия и Япония.

Для Китая основной причиной выступают скорее геополитические мотивы, а именно активность в Центральной Азии крупных внерегиональных игроков, которые уже провели саммиты в формате «5+1». В Нью-Делийской декларации по итогам 1-го саммита «Индия—Центральная Азия» стороны инициировали институционализацию формата «5+1» [Delhi Declaration...]. Индия стала первой из крупных внерегиональных держав, начавших институционализацию формата «5+1», одновременно способствуя институционализации формата «ЦА—Китай».

Углубление сотрудничества Индии с центральноазиатскими партнерами происходит по широкому кругу проблем, включая взаимодействие по вопросам безопасности. В рамках институционализации формата созданы Совместная рабочая группа по Афганистану и Совместная рабочая группа по порту Чабахар [Delhi Declaration...]. В этой связи планы институционализации формата «ЦА—Индия» стоит рассматривать как один из факторов, способствовавших принятию аналогичных мер с прицелом на углубление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. С учетом того, что Индия концептуально не поддерживает реализацию инициативы «Пояса и пути», риск соперничества Индии и Китая в Центральной Азии будет нарастать по мере углубления институционализации двух форматов «5+1». Таким образом, в 2022—2023 гг. был намечен концептуальный водораздел между Индией и Китаем.

Второй причиной выступает наблюдаемая в последние годы «пробуксовка» китайских экономических инициатив в рамках ШОС из-за опасений других государств-членов по поводу чрезмерного доминирования Китая в Организации. Быстрое расширение ШОС, в том числе за счет конкурирующих государств (в частности, Индии и Пакистана) в условиях отсутствия неоспоримого лидера Организации, вероятно, может привести к размыванию фокуса деятельности и формированию противоречий внутри самой ШОС. Данную тенденцию продемонстрировал саммит ШОС в 2023 г.: Индия не поддержала инициативу «Пояса и пути» в Нью-Делийской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Нью-Делийская декларация...].

Основные итоги 1-го саммита «Китай—Центральная Азия»

Выступая на саммите в Сиане, Си Цзиньпин заявил, что «сотрудничество Китая с Центральной Азией вступает на новый этап». Он также подчеркнул, что Центральная Азия является центром Евразийского континента и основой формируемого «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии» — концептуально иного формата, нежели «сообщество единой судьбы ШОС» [Полный текст программной речи Си Цзиньпина...]. Отличительной особенностью инициатив «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии» и «сообщества единой судьбы ШОС» выступает дублирование аналогичных с ШОС принципов в области безопасности и внешней политики» [Полный текст программной речи Си Цзиньпина...]. В развитие этих тезисов Си Цзиньпина глава МИД КНР Ван И заявил, что саммит «Китай—Центральная Азия» создал новую платформу добрососедства, дружбы и сотрудничества в регионе.

По итогам саммита принята Сианьская декларация, согласно которой периодичность проведения встреч на высшем уровне — один раз в два года [Полный текст Сианьской декларации...]. Документ обозначил цели и задачи будущего сотрудничества сторон в сфере экономики, туризма, образования, культурной и языковой политики, региональной безопасности, скоординированного реагирования на угрозы терроризма и сепаратизма. Крайне важно и актуально для лидеров пяти государств Центральной Азии, что сотрудничество в новом формате бу-

дет также направлено на поддержание стабильности политических систем и недопущение импорта «цветных революций» в государства, являющиеся его участниками [Полный текст Сианьской декларации...].

Вместе с тем новый формат сотрудничества, предложенный Китаем для пяти государств Центральной Азии, не является уникальным. Сходные форматы взаимодействия со странами региона уже на протяжении нескольких лет развивают США, ЕС, Япония, Республика Корея, Индия, а также Турция (Организация тюркских государств). Есть и схожий российский формат: 14 октября 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия—Центральная Азия», посвященный 30-летию установления дипломатических отношений России со странами региона.

В сравнении с другими аналогичными форматами «5+1» отличительной особенностью формата «ЦА—Китай» выступает договоренность сторон развивать его всестороннюю институционализацию, в том числе путем создания Секретариата, механизмов встреч на уровне председателей правительств, глав министерств и ведомств [Полный текст Сианьской декларации..., Перечень договоренностей и инициатив...]. В то же время по итогам работы схожего формата «Центральная Азия—Россия» стороны не наметили аналогичных планов, ограничившись лишь декларированием готовности продолжать эту практику на регулярной основе [Совместное заявление глав государств Республики Казахстан...]. В долгосрочной перспективе институционализация формата «ЦА—Китай» может превратиться в рабочую альтернативу ШОС.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что дальнейшая всесторонняя институционализация формата «ЦА—Китай» может привести к:

- усилению имеющихся и возникновению новых противоречий внутри ШОС [Уянаев, Кулинцев, 2022], что в свою очередь может послужить причиной возникновения кризиса взаимопонимания между государствами-членами Организации. Первые признаки этого кризиса уже наблюдаются сейчас: Индия не поддержала китайскую инициативу «Пояса и пути» в Нью-Делийской декларации ШОС;
- росту противоречий с США, Евросоюзом, Индией и Японией, все больше вовлекающимися в дела региона. В связи с этим вполне вероятно расширение американо-китайского противоборства в Центрально-Азиатском регионе;
- возникновению вызова, способного осложнить будущее российско-китайское партнерство. Российские позиции в Центральной Азии остаются более крепкими и устойчивыми, чем у Китая, но, согласно официальным документам, Россия придает большое значение дальнейшему развитию ШОС и его роли в формировании «Большого евразийского партнерства» [Володин, 2022; Лукин, Кашин, 2019], а возникновение дублирующих многосторонних форматов, как «ЦА—Китай», может в этом смысле не найти понимания у Москвы.

Безусловно, поступательную всестороннюю институционализацию формата «ЦА—Китай» важно учитывать при углублении торгово-экономического и оборонного сотрудничества России со странами Центральной Азии. В качестве ответных и превентивных мер России также следует инициировать запуск институционализации формата «5+1».

Активизация Китаем политики содействия международному развитию

Китай продолжает активно выделять финансовую помощь странам Центральной Азии в целях поддержки регионального развития. В мае 2023 г. на саммите «ЦА—Китай» председатель КНР Си Цзиньпин объявил о выделении «пятерке» очередного пакета помощи в размере 3,7 млрд долл. на цели регионального развития [Полный текст программной речи Си Цзиньпина...]. Одновременно Китай заявил о предоставлении Пакистану и Афганистану финансовой помощи в размере 60 млрд долл. в целях развития железнодорожной инфраструктуры, объявляя целью такой инвестиционной политики стабильность Центральной Азии. Другая цель Пекина — добиться от Афганистана прекращения подготовки боевиков из Синьцзян-Уйгурского автономного района. В продолжение этого трека в начале июля 2023 г. Китай открыл транспортный коридор, проходящий через Кыргызстан в Афганистан.

Основные внешние факторы институционализации формата «Центральная Азия—Китай»

В 2022 г. государства Центральной Азии стали объектом мощного политико-информационного давления со стороны коллективного Запада и главным образом США. Его целью было заставить страны сократить торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Вашингтон неоднократно декларировал недопустимость параллельного экспорта в Россию подсанкционных товаров под угрозой вторичных санкций. С марта 2022 г. США заметно активизировали контакты с руководителями государств Центральной Азии как в сфере экономики, так и в области военного сотрудничества. Осенью 2022 г. Вашингтон объявил, что ведет работу со странами Центральной Азии по поиску альтернативных маршрутов поставок товаров из региона на внешние рынки в обход России, и что главная текущая цель американской региональной политики — снизить зависимость центральноазиатских экономик от Москвы [Treasury and State Department...].

В феврале 2023 г. во время визита в Узбекистан и Казахстан государственный секретарь США Энтони Блинкен (2021—2025) вел переговоры по поддержке антироссийского санкционного режима [Secretary Antony J. Blinken...]. На этом фоне стремление Китая придать институционализированный характер своему политико-экономическому партнерству с государствами Центральной Азии выглядит как встраивание Пекина в существующий в регионе тренд в целях недопущения вытеснения Китая из Центральной Азии. Более того, стремление Пекина достичь не только экономического (которое уже есть де-факто), но и политического лидерства в определенной мере является ответом на растущее проникновение в регион США и ЕС.

Еще одним фактором активизации Пекина в Центральной Азии является его попытка обойти уже сложившиеся и вероятные будущие ограничения в рамках ШОС. Некоторые китайские экономические инициативы «пробуксовывают» из-за опасения других государств — членов ШОС по поводу чрезмерного экономического доминирования Китая в Организации.

Институционализация формата «Центральная Азия—Китай» — новый этап углубления экономического сотрудничества?

Пекин назвал причиной активизации своей политики в Центральной Азии разморозку экономического сотрудничества со странами региона после снятия жестких трансграничных карантинных ограничений во время пандемии COVID-19.

Страны Центральной Азии заинтересованы в наращивании экспортных поставок сельскохозяйственной продукции, полезных ископаемых и других товаров в КНР.

Товарооборот КНР с пятью государствами региона в 2022 г. вырос на 28 млрд до 70,2 млрд долл. По итогам 2022 г. наблюдается тенденция роста товарооборота между КНР и странами Центральной Азии. В 2022 г. Китай более чем на 50 % увеличил импорт сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых из стран региона, а экспорт китайской электротехнической продукции в регион вырос на 42 %.

Товарооборот Евросоюза с «пятеркой» Центральной Азии по итогам 2022 г. вырос с 27 млрд долл. до 47 млрд долл., а с Россией — до 42 млрд долл. (+6 млрд долл.) [Почему Россия уступает...]. Конечно, можно допустить, что и в первом, и во втором случаях свой вклад в это увеличение внес фактор антироссийских санкций («перенастройка» торговли Евросоюза и России через третьи страны). Среди ключевых партнеров Центральной Азии пока наименьший товарооборот с государствами региона у США — около 5 млрд долл. по итогам 2022 г. [EBRD forecasts strong...].

По данным Министерства коммерции КНР, совокупный объем завершенных инвестиционных проектов Китая в пяти государствах Центральной Азии в 2022 г. составил 63,9 млрд долл. [MOFCOM Regular Press...]. Вместе с тем в январе 2023 г. Си Цзиньпин заявил, что Пекин планирует нарастить ежегодный объем инвестиций в Центральную Азию до 70 млрд долл.

Мощной заявкой на закрепление Пекина в статусе ключевого финансового донора Центральной Азии выступает анонсированная Си Цзиньпином в ходе саммита финансовая помощь в беспрецедентном объеме 3,7 млрд долл. (26 млрд юаней) [Полный текст программной речи Си Цзиньпина...]. В то же время пока нет информации, по какому принципу и на какие проекты будут распределяться дотации из этого пакета помощи, а также каким образом они будут увязаны со значительной финансовой задолженностью государств региона перед Пекином.

19 мая 2023 г. в соответствии с одним из семи подписанных по итогам саммита меморандумов о взаимопонимании по сотрудничеству учрежден деловой совет «Китай—Центральная Азия». Согласно заявлениям Ташкента, стороны также приступят к разработке стратегии нового экономического диалога, которая предусматривает принятие адресных мер к обеспечению беспрепятственной торговли и наращиванию объемов поставок готовой продукции из пяти центральноазиатских государств в КНР, формированию общего пространства промышленной кооперации с привлечением китайских инвестиций и китайских технологий. Будут запущены различные механизмы на уровне глав министерств

и профильных ведомств с целью регулярного согласования и координации направлений сотрудничества [China sends a subtle...]. В марте 2024 г. создается Секретариат механизма «Центральная Азия—Китай».

В среде западных официальных лиц и экспертного сообщества традиционно превалирует позиция о деструктивной роли Китая в регионе — его «ползучей» колонизации с превращением в сырьевой придаток под видом реализации интеграционных проектов и развития равноправного сотрудничества. В западной прессе в преддверие саммита была растиражирована установка, что новый формат взаимодействия главным образом стремится сократить торгово-экономическое сотрудничество стран Центральной Азии с Китаем [China Is Finally...].

27 декабря 2024 г. в Джалал-Абаде состоялась церемония запуска проекта железнодорожной магистрали «Китай—Кыргызстан—Узбекистан». Критические оценки итогов форума в алармистских и антикитайских кругах связаны с подтверждением договоренностей о строительстве железной дороги протяженностью 454 км. Трехсторонний меморандум о взаимопонимании был подписан в сентябре 2022 г. в Самарканде «на полях» саммита ШОС. Строительство этой железной дороги является одним из ключевых элементов трансконтинентального коридора, создаваемого в рамках реализации инициативы «Пояса и пути». По оценкам ряда западных экспертов, указанная транспортная артерия потенциально способна направить значительный объем товаров из Китая в ЕС в обход России.

При этом не следует однозначно воспринимать новый формат сотрудничества Китая и стран Центральной Азии как более эффективный механизм, чем, например, ШОС с его более развитыми институтами. Россия на фоне институционализации формата «ЦА—Китай» и после введения Западом антироссийских санкций стремится минимизировать ущерб за счет организации параллельного импорта. В этом направлении сложно переоценить значение для Москвы пяти государств Центральной Азии. Что касается отношения Москвы к активизации других крупнейших мировых «игроков» в регионе, то для России принципиально, чтобы ее партнеры в Центральной Азии продолжали соблюдать свои обязательства в двусторонних форматах и в рамках интеграционных структур (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ) [Саммит «Китай—Центральная Азия» стал...]. В совместном заявлении России и Китая в мае 2024 г. подчеркнуто: «Стороны будут продолжать сообща развивать взаимовыгодное сотрудничество со странами Центрально-Азиатского региона, наращивать взаимодействие в ШОС» [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской...].

Вместе с тем, по оценкам некоторых аналитиков, в части становления нового формата наиболее чувствительными моментами для Москвы станут институционализация диалога, а также систематизация и расширение сфер сотрудничества Китая со странами Центральной Азии [Евросоюз пообещал не вводить санкции...]. Вдобавок, как отмечают ряд отечественных экспертов, позиции России в регионе постепенно ослабевают, в частности, присутствие российского бизнеса в Центральной Азии подвергается все большим ограничениям вследствие нарастающего давления коллективного Запада на руководство государств региона.

В совместном заявлении по итогам 5-й встречи министров иностранных дел Китая и стран Центральной Азии отмечается, что формат «ЦА—Китай» выступает как один из главных механизмов развития взаимовыгодного сотрудничества и создания «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии» [Совместное заявление по итогам 5-й встречи...].

Помимо 2-го саммита «Китай—Центральная Азия», ожидаемого в июне 2025 г. в Астане, запланированы к проведению 2-е заседание Делового совета «Китай—Центральная Азия», встречи глав профильных министерств и ведомств.

Таким образом, заявленный в Сианьской декларации сценарий дальнейшего развития формата «ЦА—Китай» укладывается в логику внешнеполитического курса Си Цзиньпина, согласно которой Пекин должен усиливать свои позиции в сопредельных с КНР странах. Последние, как подтвердил 24 октября 2023 г. глава МИД КНР Ван И, входят в так называемый авангард мирового исторического процесса продвижения «сообщества единой судьбы человечества» — т. е. поддерживают китайское видение в развитии системы глобального и регионального управления.

В этой связи запуск процесса создания параллельного с ШОС, но во многом дублирующего его основы формата «ЦА—Китай» отвечает скорее национальным интересам Пекина по закреплению китайского присутствия в Центральной Азии. Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что дальнейшая всесторонняя институционализация формата «ЦА—Китай» может привести к:

- усилению имеющихся и возникновению новых противоречий внутри ШОС, что в свою очередь может послужить причиной возникновения кризиса взаимопонимания между государствами — членами Организации. «Симптомы» этого кризиса уже наблюдаются сейчас, когда Индия на площадке ШОС открыто бойкотирует китайскую инициативу «Пояса и пути»;

- росту противоречий с крупнейшими мировыми «игроками», активно вовлекающимися в центральноазиатские дела — с США, Евросоюзом, Индией и Японией. В связи с этим вполне вероятно расширение американо-китайского противоборства на Центральную Азию;

- возникновению вызова, способного осложнить будущее российско-китайское партнерство. Российские позиции в Центральной Азии остаются более крепкими и устойчивыми, чем у Китая, но, согласно официальным документам, Россия придает большое значение дальнейшему развитию ШОС и его роли в формировании «Большого евразийского партнерства», а возникновение дублирующих многосторонних форматов, таких как «ЦА—Китай», может в этом смысле не найти понимания у Москвы.

Библиографический список

Володин А.Г. «Треугольник» Москва — Дели — Пекин в системе внешней политики Индии. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022; 15(6): С. 6—27. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.

Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР. Сравнительная политика. 2019; 10(2): С.135—151, DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.

Нью-Делийская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Сайт ШОС. 04.07.2023. URL: <http://rus.sectesco.org/political/20230704/948432/NYu-DELIYSKAYa-DEKLARATsIYa-SOVETA-GLAV-GOSUDARSTV-ChLENOV-ShANKhAYS KOY-ORGANIZATsII-SOTRUDNICHESTVA.html> (дата обращения: 21.10.2023).

Перечень договоренностей и инициатив в рамках формата «Китай — Центральная Азия». Жэньминь Жибао. 19.05.2023. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021204.html> (дата обращения: 21.10.2023).

Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай—Центральная Азия». Жэньминь Жибао. 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 19.10.2023).

Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай—Центральная Азия». Агентство «Синьхуа». 19.05.2023. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-05/19/c_1129628286.htm (дата обращения: 20.11.2023).

Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай—Центральная Азия». Сайт МИД КНР. 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/zyxw/202305/t20230519_11079936.shtml (дата обращения: 13.12.2024).

Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай—Центральная Азия». Жэньминь Жибао. 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 19.10.2023).

Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай—Центральная Азия». Сайт МИД КНР. 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/zyxw/202305/t20230519_11079936.shtml (дата обращения: 13.12.2024).

Постникова Е. Почему Россия уступает позиции в Центральной Азии Китай и Евросоюз одновременно провели мероприятия со странами региона. РБК. 21.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (дата обращения: 21.10.2023).

Постникова Е. Евросоюз пообещал не вводить санкции против Центральной Азии Какие еще обещания звучали на втором саммите пятёрки стран региона и Евросоюза. РБК. 02.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/6479ef339a7947fe85d2248b> (дата обращения: 21.11.2023).

Саммит «Китай—Центральная Азия» стал исключительно важным для России. Военное обозрение. 23.05.2023. URL: <https://topwar.ru/217495-sammit-kitaj-centralnaja-azija-stal-iskljuchite lno-vazhnym-dlja-rossii.html> (дата обращения: 21.10.2023).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Сайт Президента Российской Федерации. 16 мая 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 02.02.2025).

Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия—Россия. Сайт Президента Российской Федерации. 14.10.2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5857> (дата обращения: 23.12.2023).

Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В. ШОС: Проблемы и возможные пути их решения. Аналитические записки ИККА РАН. Выпуск 3. М.: ИККА РАН, 2023. С. 25—31. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026 (дата обращения: 19.10.2023).

Указ Президента Республики Казахстан «О подписании Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке». Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 июля 2022 года № 507. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000507> (дата обращения: 19.10.2023).

Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit (2022). January 27 2022. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (дата обращения: 01.01.2024).

MOFCOM Regular Press Conference (May 11, 2023). Website of Ministry of Commerce of People's Republic of China. 12.05.2023. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202305/20230503410082.shtml> (дата обращения: 21.10.2023).

Niva Yau, "China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway". The Foreign Policy Research Institute. 23.03.2023. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/> (дата обращения: 21.10.2023).

Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability. Website of the U.S. Department of State. March 1, 2023. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-29/> (дата обращения: 21.10.2023).

Treasury and State Department Officials Testify on Sanctions Against Russia (2022). C-SPAN. September 28. URL: <https://www.c-span.org/video/?523123-1/treasury-state-department-officials-testify-sanctions-russia> (дата обращения: 21.10.2023).

Tobin Meaghan, "China sends a subtle message to Central Asia: Rely on us, not Russia". The Washington Post. 19.05.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/05/19/china-central-asia-russia-summit/> (дата обращения: 21.10.2023).

Usov Anton, "EBRD forecasts strong economic performance in Central Asia". Website of European Bank for Reconstruction and Development. 27.09.2023. URL: <https://www.ebrd.com/news/2023/ebird-forecasts-strong-economic-performance-in-central-asia.html> (дата обращения: 21.10.2023).

中国—中亚峰会 | 专家：中国中亚关系将开启新篇章 (Саммит «Центральная Азия—Китай»: Открывается новая глава отношений Китая с Центральной Азией), 13.05.2023. Агентство «Синьхуа». URL: http://www.news.cn/world/2023-05/13/c_1129611940.htm (дата обращения: 21.11.2023).

中国—中亚外长第五次会晤联合声明 (全文) // 外交部网 (Совместное заявление по итогам 5-й встреч министров иностранных дел Китая и стран Центральной Азии // Сайт МИД КНР). 02.12.2024. URL: http://kg.china-embassy.gov.cn/zjsbw/202412/t20241220_11512435.htm (дата обращения: 03.02.2025).

References

Lukin A.V., Kashin V.B. (2019) Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region. Comparative Politics Russia. 10(2): Pp. 135—151. (In Russian) DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.

Volodin A.G. (2022) Moscow — Delhi — Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy. Outlines of global transformations: politics, economics, law. 15(6): Pp. 6—27. (in Russian) DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.

New Delhi Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. SCO website. 07/04/2023. URL: <http://rus.sectsco.org/political/20230704/948432/NYu-DELIYSKAYa-DEKLARATsIYa-SOVETA-GLAV-GOSUDARSTV-ChLENOV-ShANKhAYSKOY-ORGANIZATsII-SOTRUDNICHESTVA.html> (date of request: 21.10.2023).

The full text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit. People's Daily. 05/19/2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (accessed: 19.10.2023).

The full text of Xi Jinping's keynote speech at the China-Central Asia Summit. Xinhua News Agency. 19.05.2023. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-05/19/c_1129628286.htm (date of request: 20.11.2023).

The full text of Xi Jinping's keynote speech at the China-Central Asia Summit. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 05/19/2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/zyxw/202305/t20230519_11079936.shtml (accessed: 13.12.2024).

The full text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit. People's Daily. 05/19/2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (accessed: 19.10.2023).

List of agreements and initiatives within the framework of the China-Central Asia format. People's Daily. 05/19/2023. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021204.html> (accessed: 21.10.2023).

The full text of Xi Jinping's keynote speech at the China-Central Asia Summit. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 05/19/2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/zyxw/202305/t20230519_11079936.shtml (accessed: 13.12.2024).

E. Postnikova, Why Russia is losing ground in Central Asia, China and the European Union simultaneously held events with the countries of the region. RBC. 05/21/2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (date of request: 21.10.2023).

E. Postnikova, the European Union promised not to impose sanctions against Central Asia. What other promises were made at the second summit of the five countries of the region and the European Union. 06/02/2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/6479ef339a7947fe85d2248b> (accessed: 21.11.2023).

The China—Central Asia Summit has become extremely important for Russia. Military review. 05/23/2023. URL: <https://topwar.ru/217495-sammit-kitaj-centralnaja-azija-stal-iskljuchitelno-vazhnym-dlja-rossii.html> (accessed: 21.10.2023).

Joint statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening comprehensive partnership and strategic cooperation entering a New era in the context of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries. Website of the President of the Russian Federation. May 16, 2024. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6132> (accessed: 02.02.2025).

Joint statement by the Heads of State of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan following the Central Asia—Russia meeting. Website of the President of the Russian Federation. 10/14/2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5857> (accessed: 23.12.2023).

Uyanaev S.V., Kulintsev Yu.V. (2023) SCO: Problems and Possible Solutions. Analytical notes of Institute of China and Modern Asia RAS. Chapter 3. Moscow. ICSA RAS. Pp. 25—31. (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026.

Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On signing an agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Friendship, Good-neighborliness and cooperation for the Development of Central Asia in the 21st Century”. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 20, 2022 No. 507. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000507> (accessed: 19.10.2023).

Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit (2022). January 27 2022. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (accessed: 01.01.2024).

MOFCOM Regular Press Conference (May 11, 2023). Website of Ministry of Commerce of People's Republic of China. 12.05.2023. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202305/20230503410082.shtml> (accessed: 21.10.2023).

Niva Yau, “China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway”. The Foreign Policy Research Institute. 23.03.2023. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/> (accessed: 21.10.2023).

Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability. Website of the U.S. Department of State. March 1, 2023. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-29/> (дата обращения: 21.10.2023).

Treasury and State Department Officials Testify on Sanctions Against Russia (2022). C-SPAN. September 28. URL: <https://www.c-span.org/video/?523123-1/treasury-state-department-officials-testify-sanctions-russia> (accessed: 21.10.2023).

Tobin Meaghan, “China sends a subtle message to Central Asia: Rely on us, not Russia”. The Washington Post. 19.05.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/05/19/china-central-asia-russia-summit/> (accessed: 21.10.2023).

Usov Anton, “EBRD forecasts strong economic performance in Central Asia”. Website of European Bank for Reconstruction and Development. 27.09.2023. URL: <https://www.ebrd.com/news/2023/ebd-forecasts-strong-economic-performance-in-central-asia.html> (accessed: 21.10.2023).

中国—中亚峰会|专家：中国中亚关系将开启新篇章 (China — Central Asia Summit: New Chapter Opens in China — Central Asia Relations), 13.05.2023. Xinhua News Agency. URL: http://www.news.cn/world/2023-05/13/c_1129611940.htm (дата обращения: 21.11.2023).

中国—中亚外长第五次会晤联合声明（全文）// 外交部网 (Joint Statement on the Results of the 5th Meeting of the Foreign Ministers of China and Central Asian Countries. Website of the PRC Ministry of Foreign Affairs). 02.12.2024. URL: http://kg.china-embassy.gov.cn/zjsbw1/202412/t20241220_11512435.htm (accessed: 03.02.2025).

Поступила в редакцию: 10.11.2024.
Принята к публикации: 20.12.2024.

Received: 10 November 2024.
Accepted: 20 December 2024.

Д.П. Новиков

Политика Индии в Центральной Азии: структурная роль и возможный вклад в развитие системы региональной безопасности

Аннотация. Современная политика Индии при правительстве Нарендры Моди претерпевает достаточно серьезные изменения, характеризуясь выдвижением новых инициатив и повышением активности на разных направлениях. Одним из таких направлений является Центральная Азия, занимающая во внешней политике Нью-Дели все более важное место и в силу стратегического значения, и как источник экономических ресурсов. Между тем трансформацию переживает обстановка внутри и вокруг Центрально-Азиатского региона. Происходящие в последние годы геополитические изменения повышают интерес стран Центральной Азии к развитию сотрудничества с крупными внерегиональными игроками и их включению в качестве дополнительных опор системы международной безопасности в регионе. Данная статья анализирует эволюцию роли Индии в системе безопасности Центральной Азии и исследует вклад Нью-Дели на этом направлении.

Ключевые слова: Индия, Центральная Азия, региональная безопасность, ШОС, ОДКБ.

Автор: Новиков Дмитрий Павлович, кандидат политических наук, заместитель руководителя Департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-3066-7044. E-mail: dp.novikov@hse.ru

Dmitry P. Novikov

India's Policy in Central Asia: Structural Role and Possible Contribution to the Development of the Regional Security System

Abstract. The current policy of India under the government of Narendra Modi is undergoing quite serious changes, characterized by the advancement of new initiatives and increased activity in various fields. One of these areas is Central Asia, which occupies an increasingly important place in New Delhi's foreign policy due to its strategic importance and economic capacity. Meanwhile, the situation in and around Central Asia is undergoing a transformation. The geopolitical changes that have taken place in recent years have increased the interest of Central Asian countries in developing cooperation with major extra-regional actors and including them as additional pillars of the international security system in the region. This article analyzes the evolution of India's role in the Central Asian security system and examines New Delhi's contribution in this area.

Keywords: India, Central Asia, regional security, SCO, CSTO.

*Author: Dmitry P. Novikov, Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Department of International Relations at the National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3066-7044.
E-mail: dp.novikov@hse.ru*

Постановка проблемы: внерегиональные игроки в системе региональной безопасности Центральной Азии

В настоящий момент сложившаяся в Центральной Азии система региональной безопасности сталкивается с новыми вызовами и значительными трансформациями. Их главным источником является стремительное изменение внешней среды, связанное как с ускорением долгосрочных структурных трендов, так и с конкретными событиями и политическими изменениями последних лет.

Главным внешним мегатрендом, определяющим развитие системы региональной безопасности, был и остается процесс слома однополярного международного порядка и изменение баланса сил на глобальном и региональном уровнях. Непосредственным результатом этого тренда является увеличение внешних и внутренних вызовов политической стабильности стран региона на фоне усиления негосударственных угроз безопасности и обострения геополитического противостояния вокруг и в пространстве Центральной Азии [Исакова, 2014]. При этом важной частью данного процесса является трансформация стратегической роли старых и появление новых значимых внерегиональных игроков. К относительно новым факторам можно отнести и Индию, чье политическое и экономическое присутствие в Центральной Азии в последние годы заметно усилилось [Мухидинова, 2015].

Трансформация роли внерегиональных игроков и их вклада в систему региональной безопасности в Центральной Азии носит весьма разнонаправленный характер. Одним из ключевых факторов является изменение структурной роли США. Политика Вашингтона традиционно оказывала неоднозначное влияние на региональную безопасность. Присутствие американских войск в Афганистане было направлено на поддержание статуса-кво в стране и должно было сдерживать рост экстремизма в регионе. В то же время именно американская политика борьбы с террором на Ближнем Востоке и в Центральной Азии зачастую приводила к усилению и институционализации террористических группировок и движений, оказывала деструктивное влияние на региональную безопасность [Кокошин, Кокошина, 2022].

Постепенное свертывание американского военного присутствия в 2010-е гг., а затем и полный вывод войск из Афганистана в 2021 г. трансформировали роль США из во многом определяющей динамику региональной безопасности во второстепенную. При этом усиление российско-западной и российско-американской конфронтации после 2022 г. создает предпосылки для усиления деструктивных тенденций в американской политике в регионе, что проявляется в стремлении ослабить позиции Москвы и даже демонстрирует определенную заинтересованность Вашингтона в дестабилизации региона [Гарбузарова, 2023].

Эта достаточно фундаментальная трансформация роли США может стать одним из важных вызовов для международной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Начало Специальной военной операции в 2022 г. также является безусловно важным фактором для развития региональной безопасности, причем не только в контексте усиления российско-западного противостояния. Вызванная ею «геополитическая тряска» побуждает страны Центральной Азии упрочнить свое положение за счет еще большей диверсификации политических и экономических связей и развития новых партнерств.

Еще одним фактором, требующим эластичной адаптации системы региональной безопасности, является усиление внерегиональных игроков и их превращение в органично включенные элементы безопасности в Центральной Азии. Интеграция соседей в систему безопасности Центрально-Азиатского региона, протекающая как по линии двустороннего сотрудничества, так и на многосторонних площадках (прежде всего Шанхайской организации сотрудничества), носит по большей части позитивный характер и, по мнению многих специалистов, способна оказать гармонизирующее воздействие на систему региональной безопасности [Муратшина, 2018].

В этих условиях заметно стремление стран Центрально-Азиатского региона развивать партнерства с условно «новыми» внерегиональными игроками, выходящими за рамки непосредственного соседства (Россия, Китай) и давно и прочно присутствующих в регионе США. В данном контексте Индия представляется одним из наиболее интересных потенциальных партнеров. Это связано как с поступательным ростом ее роли в центральноазиатской системе безопасности, так и с довольно специфической ролью, которую Нью-Дели стремится играть в регионе.

Эволюция политики Индии в отношении Центральной Азии

Активизация центральноазиатского направления политики Нью-Дели произошла в последнее десятилетие, приняв особенно четко выраженную форму при правительстве Нарендры Моди. До 2010-х гг. Центральная Азия оставалась в значительной степени на периферии внимания индийской дипломатии, хотя в Нью-Дели неизменно подчеркивали важность этого региона в силу географической близости и тесных исторических связей. Вскоре после распада СССР была выдвинута концепция «Смотри на Север» (Look North), в рамках которой стало заметно стремление Нью-Дели играть значимую роль в политическом, экономическом и логистическом включении Центральной Азии в региональные и мировые процессы [Ghosh, 2022]. Индийское руководство стремилось выстроить политический диалог с новообразованными постсоветскими государствами Центральной Азии, активно развивая идею о глубоких исторических и культурных связях Индии с этим регионом. В 1993 г. премьер-министр Индии Нарасимха Рао (1991—1996) совершил первый визит в регион, посетив Узбекистан и Казахстан, а в 1995 г. он посетил Туркменистан и Кыргызстан.

Уже в ходе первых лет оформления индийской политики в отношении Центральной Азии проявились и ее ключевые двигатели и приоритеты. Ими стало, во-первых, стремление обеспечить безопасный внешний контур для поступательного развития. В этом смысле обеспокоенность Индии традиционно вызывала ситуация в Афганистане и возможность его превращения в источник экстремизма и нестабильности с перспективой их распространения на соседние страны, особенно после прихода к власти движения «Талибан» (запрещено в РФ) в 1996 г. Определенные опасения в этой связи вызывала и ситуация в странах Центральной Азии, особенно на фоне гражданской войны в Таджикистане, начавшейся вскоре после обретения страной независимости. Вторым стратегическим приоритетом и драйвером индийской политики была и остается заинтересованность в энергетической и сырьевой базе региона, которая с точки зрения Нью-Дели может сыграть важную роль в обеспечении энергетической безопасности страны. По мере развития и самой Индии, и ситуации в регионе значение обоих факторов только возрастало.

Однако установившиеся с начала 1990-х гг. довольно благоприятные политические отношения долгое время практически не конвертировались в конкретные инициативы и проекты, которые могли бы прочнее интегрировать Индию в международную систему региона. Ключевым ограничителем наращивания экономической базы и увеличения вовлеченности Индии в региональное развитие был и остается недостаток транспортно-логистической инфраструктуры, связанный как с политическими, так и с чисто географическими обстоятельствами. Незначительный, как следствие, товарооборот (например, в 2010 г. суммарно со всеми странами региона он составлял не более 500 млн долл.) делал центральноазиатские республики для Нью-Дели далеко не самыми приоритетными партнерами с точки зрения развития экономического сотрудничества [Захаров, Посохина, Поляков, 2018]. Как следствие, в определенном смысле «провисала» и дипломатическая активность.

В этой связи наиболее значимые инициативы по развитию сотрудничества с Центральной Азией в 2000-е гг. были направлены именно на преодоление этого «логистического разрыва» и создание инфраструктуры для наращивания физической торговли. Так, пожалуй, наиболее амбициозной геоэкономической инициативой с участием Индии, которая затрагивала регион Центральной Азии в 2000-е гг. (первые обсуждения приходились еще на конец 1990-х гг.) стало создание международного транспортного коридора «Север—Юг», призванного логистически соединить северную (Россия) и южную (Индия) части евразийского континента. Другим важным проектом—«долгостроем» стала инициатива строительства газопровода «Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия» (ТАПИ). Разговоры об этом проекте под эгидой Азиатского банка развития начались еще в 1990-х гг. [Asian Development Bank, 2018], на начальном этапе преимущественно с участием Туркменистана и Пакистана, однако в 2000-е гг. Нью-Дели также начал проявлять к нему повышенный интерес. Для Индии проект ТАПИ стал одним из ключевых, так как гипотетически позволял удовлетворить растущие потребности в энергетике за счет выстраивания устойчивых долгосрочных связей посредством сухопутных маршрутов [Burna-Asefi, 2022].

Главным ограничителем на пути реализации этих и других инициатив оставались (и во многом остаются) неблагоприятные политические обстоятельства. Нестабильная ситуация в Афганистане, обострившаяся в связи с американским вторжением в 2001 г., а также некоторые другие факторы (введение международных санкций против Ирана, сложности пакистано-индийских отношений) сделали любые экономические, в особенности логистические проекты в направлении региона Центральной Азии слишком высокорисковыми [Warikoo, 2016]. Как следствие, внимание региональных игроков, в том числе Индии, было отцентровано на решение вызовов, связанных с терроризмом и обеспечением региональной безопасности, а также обсуждение проблем развития Афганистана. В этих условиях, сохраняя осторожность, Нью-Дели поначалу не выдвигал собственных инициатив по укреплению региональной безопасности или специальных диалоговых форматов со странами Центральной Азии. Сравнительно невысокая интенсивность политического диалога отражалась и на частоте и географии визитов: в 2000-е гг. премьер-министр Манмохан Сингх совершил лишь два визита в регион — в 2006 г. в Узбекистан и в 2009 г. в Таджикистан. Обе страны граничат с Афганистаном и именно «сверка часов» по афганскому вопросу являлась фокусом диалога и основным предметом заинтересованности Нью-Дели [Mishra, 2015].

Заметная активизация индийской дипломатии в Центральной Азии пришла уже на последние годы правления Манмохана Сингха. В конце 2000-х Индия нарастила свое участие в проекте ТАПИ, присоединившись к консорциуму по созданию газопровода. В 2010 г. в ходе саммита стран-участниц строительства газопровода ТАПИ в Ашхабаде было подписано четырехстороннее межправительственное соглашение по реализации проекта, которое рассматривалось в Нью-Дели как один из ключевых логистических проектов на континенте [Mehdudia, 2018]. Деятельное присоединение Индии к инициативе отражало увеличение потребности индийской экономики в энергоресурсах. ТАПИ активно поддерживается и сменившим Сингха Нарендрой Модии, однако его реализация тормозится в связи со сменой власти в Афганистане и традиционными сложностями в отношениях Нью-Дели и Исламабада.

Более зримым направлением энергетического сотрудничества стало партнерство в области развития гражданской атомной энергетики. В 2009 г. Индия и Казахстан подписали соглашение о поставках более двух тысяч тонн урана в Индию до 2014 г. В 2011 г. во время визита премьер-министра Манмохана Сингха в Казахстан стороны закрепили партнерство в сфере развития атомной энергетики, подписав Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования урана. Активизация энергетической дипломатии отражала усиливающуюся потребность быстрорастущей индийской экономики в энергоресурсах, что стало одним из ключевых лейтмотивов возрастающей вовлеченности Индии в дела региона. В особенной мере Нью-Дели интересовала организация стабильных, основанных на долгосрочных контрактах, поставок энергоресурсов и сырья по сухопутным маршрутам [Burna-Asefi, 2022].

В 2012 г. Индия выдвинула первую комплексную инициативу «Соединяя Центральную Азию» (Connect Central Asia), ориентированную специально на

страны региона. Новое видение Нью-Дели выражалось в двух аспектах. Во-первых, оно предполагало более унифицированный подход к Центральной Азии как единому региону, а не только развитие отношений преимущественно на двусторонней основе, к чему индийская дипломатия тяготела до этого. Во-вторых, характерной была широта охвата направлений сотрудничества: предполагалось качественное усиление взаимосвязей (connectivity) с Центральной Азией «в области политики, безопасности, экономических и культурных связей» — всего было оглашено 12 направлений [Government of India Ministry of External Affairs, 2012]. По сути Индия объявила об амбициозном намерении по комплексному усилению своего присутствия в регионе почти во всех сферах, начиная с образования и студенческих обменов, заканчивая расширением деятельности индийских банков в странах Центральной Азии.

На практике одним из главных направлений политики Нью-Дели стала активизация усилий по преодолению «логистического разрыва» как за счет реанимации и развития старых инициатив (транспортный коридор «Север — Юг», ТАПИ), так и путем развития новых направлений для укрепления взаимодействия. В частности, была выдвинута инициатива по усилению взаимосвязей в цифровой сфере, включая развитие в Центральной Азии цифровых сервисов (например, в области телеобразования и телемедицины) с опорой на Индию как источник технологических решений и технический хаб.

При этом в Нью-Дели считали необходимым существенное наращивание стратегических взаимосвязей и сотрудничества в области безопасности. Эту сферу предлагалось наполнить расширением практики совместных военных учений, углублением сотрудничества в области борьбы с терроризмом и наркобизнесом, а также консультациями по Афганистану. Однако до второй половины 2010-х гг. эта область сотрудничества сохранялась преимущественно в двустороннем формате.

Активизируясь на центральноазиатском направлении, индийская дипломатия стремилась найти и соответствующие площадки для закрепления и дальнейшего продвижения своих инициатив. Особенностью подхода Нью-Дели являлось стремление вписаться в достаточно пеструю институциональную среду региона и уже существующие многосторонние форматы (что резко отличало Индию от, например, США, по большей части просто игнорировавших существующую в регионе политическую инфраструктуру или Турции, стремившейся создавать и продвигать свои форматы, развиваемые вокруг идей пантюркизма). Наращивание взаимосвязей с Центральной Азией предполагалось осуществлять в том числе с опорой на Шанхайскую организацию сотрудничества, Таможенный союз и Евразийское экономическое сообщество. В частности, Нью-Дели выдвинул инициативу о заключении всеобъемлющего экономического соглашения с Таможенным союзом (в настоящий момент — Евразийский экономический союз) с перспективой его трансформации в зону свободной торговли.

В целом, активизацию индийской политики в отношении Центральной Азии в 2010-х гг. можно связать со следующими факторами:

1) общее усиление значимости Индии как регионального игрока и расширение внешнеполитических приоритетов Нью-Дели. В 2010-е гг. индийское руко-

водство начало постепенно переосмысливать подходы к обеспечению собственных интересов в области экономики и безопасности, все больше рассматривая их через призму проактивного формирования благоприятной для Индии внешней среды. Эта тенденция особенно проявилась в подходе правительства Нарендры Моди;

2) начало постепенного исхода американского присутствия из Афганистана. К началу 2010-х стало вполне очевидно, что свертывание военного присутствия США является вопросом времени. Это предопределило необходимость эластичной адаптации к новым геополитическим условиям, то есть — выработки новой, более активной политики Индии в Центральной Азии, а также в отношении Афганистана для обеспечения собственной безопасности;

3) стремление балансировать усиливающуюся экономическую и политическую роль Китая, а также некоторых других игроков (Турция, ЕС) в Центральной Азии и Евразии в целом, в том числе через активизацию участия в развивающихся вокруг региона многосторонних форматах, а также развитие стратегического партнерства с Россией;

4) увеличивающаяся потребность растущей экономики Индии в энерго- и минеральных ресурсах, таких как газ, нефть и уран для обеспечения работы атомных станций и других объектов энергетики. По этой причине Центральная Азия стала привлекательным партнером с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Индии;

5) развитие стран Центральной Азии, растущий интерес индийского бизнеса к региональному рынку и в целом к развитию экономического сотрудничества. Страны региона стали восприниматься не только как логистический хаб, но и как самоценные экономические партнеры.

Все эти обстоятельства делали расширение присутствия Индии в Центральной Азии объективным процессом, а не инициативой конкретного правительства. При этом в начале 2010-х гг. регион только оформлялся для Нью-Дели в качестве стратегического направления внешней политики. Характерно, например, что официальное выдвижение инициативы Connect Central Asia было озвучено занимавшим пост «младшего министра» по иностранным делам Е. Ахмедом¹, а не главой правительства или МИДа. То есть, несмотря на амбициозность выдвигаемых инициатив и попытку переосмыслить подход к Центральной Азии, регион все еще инерционно воспринимался в Нью-Дели как важное, но все же не первостепенное направление политики.

Пришедший к власти в 2014 г. Нарендра Моди продолжил начинания предшественника. Он активно поддержал политику Connect Central Asia, сделав реализацию заложенных в нее инициатив одним из своих внешнеполитических приоритетов [Chagan, 2015]. При нем существенно повысился уровень политического взаимодействия. Так, уже в 2015 г. новый премьер-министр посетил все пять государств Центральной Азии — невиданный до этого уровень активности Нью-Дели в регионе. В 2018 г. большое турне по странам Центральной Азии со-

¹ В правительстве Сингха Е. Ахмед являлся «ответственным» за Ближний Восток и Центральную Азию.

вершила и глава МИД Сушма Сварадж. Усиление политико-дипломатической активности было направлено на еще большее вовлечение Индии в дела региона. Ключевыми драйверами индийской политики по-прежнему выступали интересы в сфере энергетики и сырьевых поставок, а также стремление выстроить транспортно-логистические связи. Все это определяло и взгляд Индии на проблемы региональной безопасности.

Правительство Модии активизировало усилия по продвижению проектов международного транспортного коридора «Север—Юг» и ТАПИ. Реализация последнего получила в последние годы некоторое развитие — в 2019 г. было завершено строительство туркменского участка газопровода, а с 2018 началась прокладка газопровода на афганском участке. Однако приход в 2021 г. к власти движения «Талибан» фактически заморозил проект [Putz, 2021].

Сложности в пакистано-индийских отношениях и нестабильная ситуация в Афганистане сподвигли (и продолжают сподвигать) Нью-Дели искать альтернативные маршруты для обеспечения логистической связи с регионом Центральной Азии. Одним из важных направлений в последние годы стало сотрудничество с Ираном в области развития транспортно-логистической инфраструктуры, ориентированной на укрепление взаимосвязей с Центральной Азией. В 2016 г. Индия и Иран подписали соглашение о расширении порта Чабахар, который стал активно позиционироваться Нью-Дели как ключевой логистический хаб и по сути «ворота в Индию» для государств Центральной Азии. В индийской деловой столице Мумбаи устраивались целые «дни Чабахара», направленные на популяризацию порта как перевалочного пункта для развития торговли с Индией. В 2022 г. глава индийского МИД Субраманьям Джайшанкар официально предложил включить Чабахар в проект по развитию международного транспортного коридора «Север—Юг» [Chaudhury, 2022]. Во многом чтобы облегчить развитие торговли по иранскому маршруту, в 2017 г. Нью-Дели присоединился к Таможенной конвенции по международной перевозке грузов 1975 г. [UNTC, 1975].

Одновременно с этим Нью-Дели не отказывался от участия и поддержки других проектов по развитию транспортно-логистической инфраструктуры между Индией и регионом Центральной Азии. В 2018 г. Индия присоединилась к Ашхабадскому соглашению. Данное соглашение было подписано в 2011 г. между Узбекистаном, Туркменистаном, Ираном и Оманом (в 2016 г. к соглашению также присоединился Пакистан, а в 2018 г. вместе с Индией — Казахстан) и предполагало создание международного транспортного и транзитного коридора по маршруту «Китай—Центральная Азия—Южный Кавказ—Турция». Такая конфигурация скорее отражала интересы Пекина по развитию логистической связи по линии Запад—Восток. Готовность Нью-Дели включаться в схему, несколько противоречащую продвигаемой им самой логике развития транспортно-логистической инфраструктуры (прежде всего по линии Север—Юг), отражала намерение индийского руководства включаться в любые крупные проекты, которые гипотетически были способны преодолеть «логистический разрыв» между Индией и Центральной Азией. Впрочем, как и в случае с другими инициативами такого рода, реализация Ашхабадского соглашения также «забуксовала».

Параллельно с этим правительство Моди предпринимало попытки по стимулированию экономического сотрудничества посредством устранения торговых и таможенных барьеров. В 2015 г. между Индией и ЕАЭС была создана рабочая группа по анализу заключения соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) [Anon, 2015]. Однако, несмотря на декларированную заинтересованность в таком соглашении с обеих сторон, формальные переговоры о создании ЗСТ «Индия—ЕАЭС» пока так и не были начаты.

Пожалуй, наиболее успешным направлением развития экономического сотрудничества с регионом продолжило оставаться партнерство в области гражданской атомной энергетики. Правительство Моди продолжило развивать сотрудничество со странами Центральной Азии в этой сфере. В 2015 г. Индия и Казахстан подписали новое соглашение о покупке 5000 тонн казахстанского урана [Казатомпром, 2015]. К настоящему моменту Казахстан обеспечивает почти 80 % потребностей индийской атомной промышленности в уране [Сериков, 2019]. В 2019 г. Индия также подписала соглашение о поставках урана с Узбекистаном. Таким образом, Центральная Азия играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Индии в сфере атомной электроэнергии.

Вместе с тем, несмотря на активные усилия Нью-Дели и большую заинтересованность стран Центральной Азии в развитии экономического сотрудничества, реальные успехи на этом направлении все же остаются сравнительно скромными. К настоящему моменту ни одна из крупных инфраструктурно-логистических инициатив (транспортный коридор «Север—Юг», ТАПИ, Ашхабадское соглашение) не просто не реализована, но фактически не находится в активной фазе реализации, хотя в последнее время и наблюдается новый всплеск интереса к их развитию. Так, российские и индийские официальные лица снова активно заявляют о необходимости создания транспортного коридора «Север—Юг» [Правительство России, 2023]. В ходе заседания межправительственной комиссии в апреле 2023 г. российский сопредседатель министр промышленности и торговли Д. Мантуров заявил также о необходимости вернуться к обсуждению соглашения о ЗСТ «Индия—ЕАЭС» [Новости Ассоциации, 2023]. Логистические проблемы и отсутствие соглашения о ЗСТ остаются одним из ключевых ограничителей для развития торгово-экономического сотрудничества. Товарооборот между Индией и регионом Центральной Азии хоть и продемонстрировал значительный рост за последнее десятилетие, все равно невелик. В настоящий момент он составляет около 1,5 млрд долл., что в три раза больше десятилетия раньше, однако едва ли идет в какое-то сравнение с показателями соседей [Захаров, Посохина, Поляков, 2018].

На этом фоне гораздо большие успехи по укреплению связей с регионом были достигнуты в области политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности, чему способствовала активность самого Нью-Дели на этом направлении. Прекрасно понимая свое отставание в области развития экономического сотрудничества, правительство Моди сделало ставку на расширение и институционализацию форматов политического диалога и укрепление роли Индии как одного из ключевых партнеров региона в области безопасности. В 2018 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества

(ШОС), что способствовало институционализации ее роли как одного из ключевых партнеров по диалогу в области региональной безопасности. При этом индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса стали активно позиционировать Индию как определенный противовес России и Китаю, делающий ШОС более сбалансированной организацией¹. Председательство Индии в ШОС в 2023 г. преподносилось индийским руководством внутри и вовне страны как одно из важнейших политических событий, что подчеркивает особое значение организации для Нью-Дели и его региональной политики.

Правительство Моды также предприняло усилия по развитию прямого многостороннего диалогового формата с Центральной Азией. Одной из ключевых инноваций на этом направлении стало создание специального диалогового формата «Индия—Центральная Азия», что являлось продолжением логики, заложенной в политике Connect Central Asia, и подразумевало развитие общерегионального подхода, а не только двусторонних связей. Новый диалоговый формат предполагал периодические встречи на уровне глав внешнеполитических ведомств (к настоящему моменту состоялось уже три таких встречи, первая прошла в 2018 г.), а также на уровне советников по национальной безопасности — секретарей советов безопасности государств-участниц диалогового формата.

В 2022 г. состоялся первый саммит «Индия—Центральная Азия», приуроченный к 30-летию установления дипломатических отношений. Главными результатами саммита стало, по сути, углубление институционализации самого этого формата. Так, была достигнута договоренность о проведении каждые два года саммитов высокого уровня, которые должны дополняться периодическими встречами на уровне глав МИД, секретарей советов безопасности и министров торговли. Под новый диалоговый формат фактически был создан секретариат в виде Центра «Индия—Центральная Азия», базирующегося в Нью-Дели. Также была сформирована постоянная рабочая группа по обсуждению Афганистана, ситуация внутри и вокруг которого приобрела особую важность после возвращения к власти талибов в 2021 г.

Нью-Дели стремился дополнить развитие диалоговых форматов некоторыми конкретными инициативами в области экономического и гуманитарного сотрудничества. В плане развития экономического сотрудничества была принята дорожная карта по наращиванию торговли. Гуманитарные инициативы Нью-Дели были связаны с противостоянием пандемии и распространением на регион Центральной Азии инициативы «Одна Земля, одно здоровье» [The Prime Minister of India, 2023]. Однако индийская вакцинная дипломатия главным образом ограничилась взаимным признанием прививочных сертификатов и рядом проектов в области совместных медицинских исследований и разработок [Щедров, 2022].

На этом фоне прошедший саммит продемонстрировал некоторую ограниченность возможностей Индии на центральноазиатском направлении, особенно с точки зрения использования экономической дипломатии. Буквально за считанные дни до саммита пяти центральноазиатских стран с Индией прошел сам-

¹ См например: [Pant, 2023] India's Struggle Within The SCO | ORF (orfonline.org); Shanghai Cooperation Organisation: Significance for India on JSTOR.

мит «Китай—Центральная Азия». Характерно, что данный саммит, также приуроченный к 30-летию отношений, судя по всему, готовился в спешке и преследовал целью оттенить соответствующее мероприятие, проводимое Индией. В ходе встречи лидер КНР Си Цзиньпин объявил о безвозмездном выделении странам региона 50 млн вакцин, а также предоставлении экономической помощи в 500 млн долл. Индия предложить такие экономические вливания в регион попросту не могла.

В этих условиях Нью-Дели во все большей степени позиционирует себя важным политическим партнером, который, с одной стороны, является важным игроком в плане поддержания региональной безопасности, с другой — определенным противовесом Китаю и другим внерегиональным игрокам. В этом плане Индия во все большей степени закрепляется как один из значимых внешних элементов системы региональной безопасности Центральной Азии.

Роль Индии в региональной системе безопасности

Включение Индии в систему региональной безопасности Центральной Азии произошло почти сразу же после распада Советского Союза и появления в регионе независимых государств. Главным стимулом для включения Нью-Дели в региональные проблемы безопасности стали опасения по поводу возможного экспорта экстремизма из Афганистана и дестабилизации обстановки в регионе.

Эти угрозы воплотились в гражданской войне в Таджикистане, которая заставила Индию принять непосредственное участие в укреплении региональной безопасности. Индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса приписывали гражданскую войну внешним исламистским силам, поддерживаемым афганскими моджахедами, за которыми в Нью-Дели видели враждебную руку Исламабада [Gupta, 2021]. Внешние силы использовали межрегиональное и межклановое соперничество в Таджикистане для дестабилизации страны, чтобы открыть путь экстремизму. Таким образом, вовлечение Индии в проблемы безопасности в Центральной Азии в этот период было вызвано в том числе опасениями, что Пакистан попытается усилить свое влияние в регионе или способствовать его дестабилизации. Эти опасения только усиливались в связи с обретением Пакистаном ядерного статуса в 1998 г.

Таджикистан в этот период стал ключевым партнером Индии в области безопасности и в каком-то плане плацдармом для вовлечения Нью-Дели в качестве элемента региональной безопасности. Индия активно сотрудничала с правительством Таджикистана в области подготовки вооруженных сил и сил правопорядка. В этот период рассматривался вопрос о создании в Таджикистане первой зарубежной военной базы Индии [Dutta, 2021], которая могла бы не только содействовать укреплению безопасности страны и региона в целом, но и стать своего рода индийским военным аванпостом в Центральной Азии. Свидетельством тому является двустороннее оборонное соглашение, подписанное между Индией и Таджикистаном в 2002 г. [Ramachandran, 2006]. В рамках данного соглашения Индия осуществила ремонт военного аэродрома Айни, который рассматривался

Нью-Дели в качестве возможного опорного пункта для собственного постоянного военного присутствия (в конечном счете от этой идеи отказались). Нью-Дели также оказывал материальную и материально-техническую помощь Северному альянсу, которая направлялась через Таджикистан [Gupta, 2021].

Военное сотрудничество Индии с другими странами региона было более ограниченным и преимущественно сконцентрированным на сфере военно-технического сотрудничества (главным образом — приобретении у стран Центральной Азии образцов советского вооружения) и сотрудничестве в области военного образования и подготовки. К настоящему моменту Индия стала одним из ведущих внерегиональных экспортеров военного образования.

В 2010-е гг. на фоне общей активизации центральноазиатского направления политики Индии произошло расширение сотрудничества стран региона по линии военных связей и партнерства в области безопасности. Институционализируя свое присутствие в регионе, Индия подписала меморандумы о взаимопонимании (МОВ) и соглашения, касающиеся обороны и военно-технического сотрудничества, с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. В 2011 г. Индия провела первые в истории совместные с Кыргызстаном военные учения «Ханджар» [Antonov, 2023]. В 2016 г. Индия также провела свои первые совместные армейские учения с Казахстаном «Прабал Достык», в 2018 г. переименованные в KAZIND (до пандемии проводились ежегодно) [PIB Delhi, 2022]. В 2018 г. подразделение Вооруженных сил Казахстана также прошло подготовку по проведению миротворческих операций в Индии, с последующим развертыванием в составе индийского батальона в рамках миротворческой миссии в Ливане [Yergaliyeva, 2020].

Расширяя участие Индии в поддержании региональной безопасности, в Нью-Дели руководствовались несколькими соображениями. Прежде всего, опасность вызвала растущая исламская радикализация. Так, по ряду оценок, после начала гражданской войны в Сирии и провозглашения «Исламского государства» (ИГИЛ, признано террористической организацией и запрещено в РФ) в его ряды вступили несколько тысяч выходцев из Центральной Азии, от 2000 до более 4000 человек [Малышев, 2017]. Поражение ИГИЛ и потеря им контроля над территориями на Ближнем Востоке вызвали опасения, что теперь боевики могут вернуться в свои родные страны и составить основу террористических ячеек на местах.

Особенные опасения вызвали перспективы подъема радикализма на фоне свертывания американского присутствия в стране с неизбежной перспективой дестабилизации в Афганистане. В этих условиях Индия стремилась превентивно нарастить свое участие в обеспечении региональной безопасности и стать одной из опор системы безопасности в Центральной Азии. Перспективы развития ситуации в регионе рассматривались в Нью-Дели через призму гражданской войны в Таджикистане, в прекращение которой Индия была непосредственно вовлечена в 1990-е гг.

Вторым стимулом для наращивания вовлечения Индии в региональное сотрудничество в сфере безопасности было и остается соперничество с Китаем [Wani, 2020], в меньшей степени — с другими внерегиональными игроками. В ус-

ловиях очевидного отставания Нью-Дели в области экономического сотрудничества, партнерство в сфере безопасности остается главным политическим козырем Индии в плане утверждения своего регионального присутствия. Это определяет высокую заинтересованность Нью-Дели в развитии самых различных форматов международной кооперации в области безопасности.

Включение Индии в состав ШОС институционализировало ее статус важного элемента системы региональной безопасности Центральной Азии. Одновременно с этим, как было указано выше, Индия развивала и двусторонние форматы сотрудничества, а также многосторонний диалоговый формат со странами региона под своей эгидой.

Таким образом, включенность Индии в систему региональной безопасности протекает на трех уровнях:

1) двусторонние связи с отдельными странами региона, которые включают в себя политический диалог, а также военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области подготовки военных кадров, военного образования;

2) формат «Индия—Центральная Азия», включающий специальное диалоговое измерение на уровне секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности, позволяющий вести диалог по безопасности в регионе в целом;

3) Шанхайская организация сотрудничества, включающая помимо стран Центральной Азии две другие ведущие державы — Россию и Китай, а также Иран и Пакистан. Таким образом, это наиболее широкий диалоговый формат, позволяющий обсуждать проблемы региональной безопасности с привлечением практически всех соседей и всех ведущих игроков;

В перспективе следует ожидать дальнейшей интеграции Индии в качестве внешнего, но важного элемента системы безопасности Центральной Азии. При этом будет расти и роль Центрально-Азиатского региона в обеспечении безопасности самой Индии. Речь идет не только о ставшей уже традиционной проблеме распространения терроризма и экстремизма, тесно связанной с политическим настоящим и будущим Афганистана. Центральная Азия уже объективно стала важным источником энергетических и иных ресурсов, и данная роль будет расти по мере расширения потребностей индийской экономики в сырье. В случае реализации крупных транспортно-логистических проектов, таких как транспортный коридор «Север—Юг» и ТАПИ, значимость региона для Нью-Дели только вырастет.

Все это потребует дальнейшего повышения уровня вовлеченности Индии в региональные процессы, связанные с вопросами безопасности. Оно может протекать по двум основным направлениям: дальнейшей институционализации присутствия Индии в регионе через многосторонние структуры и углублению двусторонних связей и сотрудничества по проблемам безопасности.

Дальнейшая институционализация Индии как значимого игрока в сфере региональной безопасности подразумевает выстраивание и укрепление связей с теми многосторонними институтами безопасности, которые пока остаются вне поля активной деятельности Нью-Дели. Единственным значимым форматом безопасности такого рода остается Организация Договора о коллективной безо-

пасности (ОДКБ), с которой у Индии нет проработанной формулы взаимодействия. При этом с обеих сторон существует запрос на разработку такой формулы и создание механизмов сотрудничества. Так, назначенный в 2022 г. послом России в Индии Д. Алипов заявил о желательности вовлечения Индии в сотрудничество с ОДКБ как одной из ключевых структур по обеспечению безопасности в регионе Центральной Азии, рассматриваемом Нью-Дели в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики [Деловой совет по сотрудничеству с Индией, 2020]. Это заявление вызвало позитивный отклик в индийском экспертном сообществе.

Вместе с тем следует признать, что в Нью-Дели на данный момент нет понимания, какую конкретную форму это сотрудничество могло бы принять. В сложившихся условиях инициатива по его развитию может лечь на саму Организацию. При этом оно может развиваться по нескольким направлениям.

Во-первых, путем создания программы сотрудничества «ОДКБ—Индия» в военно-образовательной сфере, которая является одной из сильных сторон Нью-Дели и традиционной формой сотрудничества на двусторонней основе. Площадкой для такого взаимодействия может стать Академия ОДКБ, на базе которой возможно как проведение отдельных семинаров и мероприятий, так и создание целой программы по привлечению внешних военных специалистов из стран, не входящих в ОДКБ, прежде всего Индии.

Во-вторых, возможно развитие диалога по «второму треку» на уровне экспертного сообщества. Опорными базами для такого диалога могли бы стать специально назначенные научно-экспертные институты стран-членов ОДКБ (по аналогии с соответствующей системой, действующей внутри ШОС) и соответствующая организация или пул организаций с индийской стороны. Такой формат, во-первых, обеспечил бы хорошую базу для дальнейшего сотрудничества уже на более высоких уровнях. Во-вторых, способствовал бы вовлечению индийской экспертизы в проблематику ОДКБ и сделал бы Организацию более заметной на «радаре» индийской внешнеполитической экспертизы.

В-третьих, целесообразно проведение совместных учений, либо, как минимум, привлечение индийских представителей в качестве наблюдателей на военнотренировочные мероприятия ОДКБ.

Возможно также расширение сотрудничества в формате «Индия—ОДКБ» и на базе других многосторонних форматов. Например, весьма целесообразным представляется проведение совместного двойного саммита ШОС и ОДКБ, что позволит сформировать синергетический эффект от институциональной связи двух организаций со схожей повесткой. Наглядным прецедентом является вполне успешное проведение двойного саммита «ШОС—БРИКС» в 2015 г. в Уфе.

Дальнейшее углубление двусторонних контактов, по-видимому, будет идти по пути расширения военно-технических и военно-образовательных связей, повышения масштаба и характера совместных учений, а также других сфер военной кооперации. Вместе с тем возможности расширения сотрудничества в сфере «жесткой безопасности» все же остаются ограниченными. Несмотря на периодически возникающую дискуссию такое резкое повышение военно-политического присутствия Индии, как создание военной базы, сегодня на повестке дня не сто-

ит. По-видимому, не стоит ожидать и прямой вовлеченности Нью-Дели в случае дестабилизации ситуации в Афганистане — оно, как и в 1990-е гг., будет носить опосредованный характер.

Однако Индия может играть гораздо более существенную роль в области нетрадиционной безопасности. Связанные с усилением этой роли инициативы, хотя и имеющие ограниченный успех, ранее уже имели место — в частности, программы в области здравоохранения («Одна Земля, одно здоровье»), актуальные в период пандемии. Не меньшим потенциалом обладают и возможности Индии в области информационной безопасности, которые могут быть реализованы как на многосторонней (в рамках ШОС, в том числе — создаваемого Центра информационной безопасности), так и на двусторонней основе. Наконец, большим потенциалом обладает индийский опыт в области развития и борьбы с бедностью. Все эти возможности способны сделать Нью-Дели важным игроком в сфере социальной безопасности, а также обеспечить его существенный вклад в поддержание социально-экономического развития и стабильности Центральной Азии.

Библиографический список

Anon. ЕАЭС исследует перспективы создания зоны свободной торговли с Ираном. URL: <https://www.interfax.ru/business/486811> (дата обращения: 21.08.2023).

Antonov M. На фото: Индия и Кыргызстан проводят десятые совместные учения с кинжалом. URL: <https://www.vzglyad.kg/%D0%BD%D0%B0-%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%82-%D0%B4%D0%B5/> (дата обращения: 21.08.2023).

Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности. Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 1(10). С. 26—36.

Деловой совет по сотрудничеству в Индии. Посол России заявил о заинтересованности Индии в более плотном взаимодействии с ОДКБ. URL: <https://russiaindiabusiness.com/ru/posol-rossii-zayavil-o-zainteresovannosti-indii-v-bolee-plotnom-vzaimodejstvii-s-odkb/> (дата обращения: 21.08.2023).

Захаров А.Н., Посохина А.Г., Поляков В.А. Внешняя торговля Индии и стран Центральной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 12. С. 85—97.

Искакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая // Politbook. 2014. № 4. С.8—51.

Казатомпром. Казатомпром поставит в Индию 5000 тонн урана URL: <http://www.atominfo.ru/news/s0288.htm> (дата обращения: 21.08.2023).

Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. 2022. № 6. С.126—139.

Малышев Д.В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии // Проблемы европейской безопасности. 2017. № 2. С. 66—102.

Муратшина К.Г. Страны Центральной Азии и расширение ШОС // Известия АлтГУ. 2018. № 5(103). С. 114—118.

Мухиidinova Е. Индийский фактор в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2015. № 8(278). С. 44—62.

Новости Ассоциации. ЕАЭС и Индия создадут зону свободной торговли. URL: <https://www.eaab.ru/tpost/8k8tc7vg21-caes-i-indiya-sozdadut-zonu-svobodnoi-to> (дата обращения: 21.08.2023).

Правительство России. Марат Хуснуллин: Грузопоток по международному транспортному коридору «Север—Юг» к 2030 г. может вырасти до 35 млн тонн. URL: <http://government.ru/news/48506/> (дата обращения: 21.08.2023).

Сериков Д. Индия может увеличить закуп урана из Казахстана. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/indiya-mozhet-uvelichit-zakup-urana-iz-kazahstana> (дата обращения: 21.08.2023).

Щедров И.Ю. Первый саммит Индия—Центральная Азия: начало новой политики в регионе? URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentrallynaya-aziya-nachalo-novoy-politiki-v-regione> (дата обращения: 21.08.2023).

Burna-Asefi S.N. India's Plan to Realize TAPI. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/04/indias-plan-to-realize-tapi/> (дата обращения: 21.08.2023).

Charan J. India's 'connect Central Asia' Policy And Prime Minister Narendra Modi's Diplomacy. The Indian Journal of Political Science. 2015. Vol.76, No.3. Pp.686—689.

Chaudhury D.R. S Jaishankar backs Chabahar for Eurasian Connectivity; Pakistan roots for CPEC. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/s-jaishankar-backs-chabahar-for-eur-asian-connectivity-pakistan-roots-for-cpec/articleshow/93220720.cms?from=mdr> (дата обращения: 21.08.2023).

Dutta P.K. Taliban situation triggers debate on India's airbase in Tajikistan. URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/taliban-afghanistan-indian-air-force-iaf-airbase-tajikistan-gissar-military-aerodrome-ayni-1850209-2021-09-07> (дата обращения: 21.08.2023).

Ghosh B. India's look North Policy to Connect Central Asia Policy: A Pragmatic Policy of Indian Foreign Policy. Khazanah Sosial. 2022. No.1. 24 p.

Government of India Ministry of External Affairs. Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/#:~:text=India's%20Connect%20Central%20Asia%20Policy,our%20traditional%20relationship%20with%20Russia> (дата обращения: 21.08.2023).

Gupta P.K. Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension. Electronic Journal Of Social And Strategic Studies. 2021. Vol. 2. Pp. 64—76.

Mehdudia S. TAPI project will be the new Silk Route, says Deora. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/TAPI-project-will-be-the-new-Silk-Route-says-Deora/article15589321.ece> (дата обращения: 21.08.2023).

Mishra A. Central Asian Diplomacy In India's Foreign Policy: The Modi Phase. The Indian Journal of Political Science. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp. 690—692.

Pant H.V. India's Struggle Within The SCO. URL: <https://www.orfonline.org/research/indias-struggle-within-the-sco/> (дата обращения: 21.08.2023).

PIB Delhi. Indo-Kazakhstan Joint Military Exercise “Kazind — 2022” to Commence at Umroi (Meghalaya). URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1883520> (дата обращения: 21.08.2023).

Putz C. TAPI, Turkmenistan, and the Taliban. URL: <https://thedi diplomat.com/2021/11/tapi-turkmenistan-and-the-taliban/> (дата обращения: 21.08.2023).

Ramachandran S. India's foray into Central Asia. URL: https://web.archive.org/web/20060819190609/http://atimes.com/atimes/South_Asia/HH12Df01.html (дата обращения: 21.08.2023).

The Prime Minister of India. PM inaugurates 6th Edition of One Earth One Health — Advantage Healthcare India 2023. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-inaugurates-6th-edition-of-one-earth-one-health-advantage-healthcare-india-2023/ (дата обращения: 21.08.2023).

Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3. URL: <https://www.adb.org/projects/44463-013/main> (дата обращения: 21.08.2023).

UNTC. 16. Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XI-A-16&chapter=11&clang=_en (дата обращения: 21.08.2023).

Wani A. India and China in Central Asia: Understanding the new rivalry in the heart of Eurasia. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-china-in-central-asia-understanding-the-new-rivalry-in-the-heart-of-eurasia-61473/> (дата обращения: 21.08.2023).

Warikoo K. Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges. *India Quarterly*. 2016. Vol. 72, No. 1. Pp. 1—15.

Yergaliev A. Kazakhstan Trains Fifth Peacekeeping Unit For UN Mission in Lebanon. URL: <https://astanatimes.com/2020/11/kazakhstan-trains-fifth-peacekeeping-unit-for-un-mission-in-lebanon/> (дата обращения: 21.08.2023).

References

Anon. The EAEU is exploring the prospects for creating a free trade zone with Iran. URL: <https://www.interfax.ru/business/486811> (accessed: 21.08.2023).

Antonov M. In the photo: India and Kyrgyzstan conduct tenth joint dagger exercises. URL: <https://www.vzglyad.kg/%D0%BD%D0%B0-%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%82-%D0%B4%D0%B5/> (accessed: 21.08.2023).

Burna-Asefi S.N. India's Plan to Realize TAPI. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/04/indias-plan-to-realize-tapi/> (accessed: 21.08.2023).

Charan J. India's 'connect Central Asia' Policy And Prime Minister Narendra Modi's Diplomacy. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp.686—689.

Chaudhury D.R. S Jaishankar backs Chabahar for Eurasian Connectivity; Pakistan roots for CPEC. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/s-jaishankar-backs-chabahar-for-eurasian-connectivity-pakistan-roots-for-cpec/articleshow/93220720.cms?from=mdr> (accessed: 21.08.2023).

Delovoi sovet po sotrudnichestvu v Indii. Russian Ambassador declared India's interest in closer cooperation with the CSTO. URL: <https://russiaindiabusiness.com/ru/posol-rossii-zayavil-o-zainteresovannosti-indii-v-bolee-plotnom-vzaimodejstvii-s-odkb/> (accessed: 21.08.2023).

Dutta P.K. Taliban situation triggers debate on India's airbase in Tajikistan. URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/taliban-afghanistan-indian-air-force-iaf-airbase-tajikistan-gissar-military-aerodrome-ayni-1850209-2021-09-07> (accessed: 21.08.2023).

Garbuzarova E.G. US policy in Central Asia: phases of activity. *Problems of the post-Soviet space*. 2023. No. 1(10). Pp. 26—36.

Ghosh B. India's look North Policy to Connect Central Asia Policy: A Pragmatic Policy of Indian Foreign Policy. *Khazanah Sosial*. 2022. No. 1. 24 Pgs.

Government of India Ministry of External Affairs. Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/#:~:text=India's%20Connect%20Central%20Asia%20Policy,our%20traditional%20relationship%20with%20Russia> (accessed: 21.08.2023).

Gupta P.K. Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension. *Electronic Journal Of Social And Strategic Studies*. 2021. Vol.2. Pp.64—76.

Iskakova G.K. Regional security in Central Asia and the strategies of Russia, the USA and China. *Politbook*. 2014. No. 4. Pp. 8—51.

Kazatomprom. Kazatomprom to supply 5,000 tons of uranium to India. URL: <http://www.atominfo.ru/news/s0288.htm> (accessed: 21.08.2023).

Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. On the main directions of the US foreign policy strategy in Central Asia. *Modern Europe*. 2022. No. 6. Pp. 126—139.

Malyshev D.V. The Syrian Crisis and the Threat of Radicalization in Central Asia. *Problems of European security*. 2017. No. 2. Pp. 66—102.

Mehdudia S. TAPI project will be the new Silk Route, says Deora. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/TAPI-project-will-be-the-new-Silk-Route-says-Deora/article15589321.ece> (accessed: 21.08.2023).

Mishra A. Central Asian Diplomacy In India's Foreign Policy: The Modi Phase. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp.690—692.

Mukhidinova E. Indian Factor in Central Asia. *Russia and the Muslim world*. 2015. No. 8(278). Pp. 44—62.

Muratshina K.G. The countries of Central Asia and the expansion of the SCO. *Journal of AltSU*. 2018. No. 5(103). Pp. 114—118.

Novosti Associacii. EAEU and India will create a free trade zone. URL: <https://www.eaab.ru/tpost/8k8tc7vg21-eaes-i-indiya-sozdadut-zonu-svobodnoi-to> (accessed: 21.08.2023).

Pant H.V. India's Struggle Within The SCO. URL: <https://www.orfonline.org/research/indias-struggle-within-the-sco/> (accessed: 21.08.2023).

PIB Delhi. Indo-Kazakhstan Joint Military Exercise “Kazind — 2022” to Commence at Umroi (Meghalaya). URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1883520> (accessed: 21.08.2023).

Pravitelstvo Rossii. Marat Khusnullin: Freight traffic along the international transport corridor “North-South” by 2030 can grow to 35 million tons. URL: <http://government.ru/news/48506/> (accessed: 21.08.2023).

Putz C. TAPI, Turkmenistan, and the Taliban. URL: <https://thediplomat.com/2021/11/tapi-turkmenistan-and-the-taliban/> (accessed: 21.08.2023).

Ramachandran S. India's foray into Central Asia. URL: https://web.archive.org/web/20060819190609/http://atimes.com/atimes/South_Asia/HH12Df01.html (accessed: 21.08.2023).

Schedrov I.Y. The first India-Central Asia summit: the beginning of a new policy in the region? URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentralnaya-aziya-nachalo-novoy-politiki-v-regione> (accessed: 21.08.2023).

Serikov D. India can increase the purchase of uranium from Kazakhstan. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/indiya-mozhet-uvelichit-zakup-urana-iz-kazahstana> (accessed: 21.08.2023).

Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3. URL: <https://www.adb.org/projects/44463-013/main> (accessed: 21.08.2023).

UNTC. 16. Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtid_sg_no=XI-A-16&chapter=11&clang=_en (accessed: 21.08.2023).

Wani A. India and China in Central Asia: Understanding the new rivalry in the heart of Eurasia. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-china-in-central-asia-understanding-the-new-rivalry-in-the-heart-of-eurasia-61473/> (accessed: 21.08.2023).

Warikoo K. Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges. *India Quarterly*. 2016. Vol. 72, No. 1. Pp. 1—15.

Yergalieva A. Kazakhstan Trains Fifth Peacekeeping Unit For UN Mission in Lebanon. URL: <https://astanatimes.com/2020/11/kazakhstan-trains-fifth-peacekeeping-unit-for-un-mission-in-lebanon/> (accessed: 21.08.2023).

Zakharov A.N., Posokhina A.G., Polyakov V.A. Foreign trade of India and the countries of Central Asia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2018. No. 12. Pp. 85—97.

И.А. Сафранчук, Н.А. Свистунов

Роль государств Центральной Азии во внешней политике Франции

Аннотация. В данной статье проанализирована роль государств Центральной Азии во внешнеполитической стратегии Франции, которая рассматривается в двух плоскостях, а именно в реализации глобальных внешнеполитических интересов Пятой республики и в установлении двусторонних самоценных отношений между государствами. Авторами отмечается мультивекторная направленность взаимоотношений Франции и центральноазиатских республик, включающая в себя сотрудничество в сфере экономики, дипломатии, образования, науки и культуры. Делается вывод, что Франция, с одной стороны, стремится реализовать свои глобальные внешнеполитические интересы, активно взаимодействуя со странами региона в экономической и политической сферах, а с другой стороны — устанавливает дипломатические и культурные контакты, способствующие развитию равноправного двустороннего диалога.

Ключевые слова: Франция, Центральная Азия, внешняя политика, двусторонний диалог.

Авторы: *Сафранчук Иван Алексеевич*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО. ORCID: 0000-0003-2214-6628.

E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Свистунов Никита Александрович, магистр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». ORCID: 0009-0003-0858-5701.

E-mail: nik.swistunov@yandex.ru

Ivan A. Safranchuk, Nikita A. Svistunov

The Role of Central Asian States in the Foreign Policy of France

Abstract. This article analyzes the role of the Central Asian states in the foreign policy strategy of France, which is considered in two planes, namely, in the implementation of the global foreign policy interests of the Fifth Republic and in the establishment of bilateral self-valuable relations between the states. The authors note the multi-vector focus of relations between France and the Central Asian republics, including cooperation in the sphere of economy, diplomacy, education, science and culture. It is concluded that France, on the one hand, seeks to implement its global foreign policy interests, actively interacting with the countries of the region in the economic and political spheres, and on the other hand, establishes diplomatic and cultural contacts that contribute to the development of equal bilateral dialogue.

Keywords: Central Asia, France, foreign policy, bilateral dialogue.

Authors: *Safranchuk Ivan A.*, Candidate of Sciences (Political sciences), leading researcher at the Institute for International Studies, MGIMO.

ORCID: 0000-0003-2214-6628. E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Svistunov Nikita A., Master of the National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0009-0003-0858-5701. E-mail: nik.swistunov@yandex.ru

Сотрудничество с государствами Центральной Азии имеет для Франции особое значение, и на это есть две причины: реализация глобальных внешнеполитических интересов Пятой республики и самооценность отношений с Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном [Central Asia Faces Challenges...]. В первом случае сотрудничество является выгодным и необходимым для Франции в конкретный момент времени, что обусловлено в первую очередь международным контекстом. Во втором случае оно является целенаправленным взаимодействием именно с этими акторами, так как они сами по себе обладают характеристиками, отвечающими интересам Пятой республики.

В первую очередь интерес Франции в экономическом сотрудничестве с государствами Центральной Азии касается сферы энергетики [Country Comparisons, 2023]. Первой составляющей здесь является нефтегазовая отрасль. Франция и другие государства Европы, для которых Париж стремится выступать лидером, столкнулись с проблемами в сфере энергетической безопасности, а именно кризисом и отсутствием стратегической автономии в этой области. Обеспечение стабильности поставок углеводородов и, что немаловажно, их диверсификация являются глобальным приоритетом Франции и одной из основных составляющих экономической дипломатии Парижа, которая осуществляется на всех уровнях власти.

Соответственно, сегодня Франции необходимо искать партнеров, которые могли бы обеспечить диверсификацию и стабильность поставок нефти и газа. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, по мнению ряда экспертов, являются наилучшим вариантом среди поставщиков углеводородов для Европы в среднесрочной перспективе. Среди европейских акторов Париж выглядит потенциальным лидером в построении таких отношений. Во-первых, уже сегодня Казахстан является крупным поставщиком углеводородов для Франции, о чем свидетельствуют заявления глав государств и работа французского бизнеса в стране [AFD, 2023]. Негативным фактором здесь может выступать то, что Казахстан поставляет большую часть своей нефти через Россию. При этом Астана, учитывая риски, с которыми может столкнуться казахский экспорт из-за давления на Россию, а также геополитическую напряженность между РФ и западными покупателями, ищет обходные пути транспортировки нефти. Так, в 2023 г. Казахстан нарастил поставки нефти и газоконденсата в обход портов России до 3,7 млн тонн с 1,9 млн тонн в 2022 г. Основными маршрутами, альтернативными Каспийскому трубопроводному консорциуму, стали нефтепровод «Баку—Тбилиси—Джейхан», грузинский порт Батуми и трубопровод «Дружба». Такая политика Казахстана в вопросах транспортировки нефти является позитивным знаком для Франции, так как подобные меры, по мнению правительства страны, снижают риски и ковенную зависимость от России [AFD, 2023].

Перспективными направлениями для Франции в реализации цели обеспечения стратегической энергетической автономии являются Туркменистан и Узбекистан, которые богаты запасами газа. В обоих государствах уже осуществляет свою деятельность французская нефтегазовая компания Total, и, хотя в Узбекистане она занимается разработкой солнечных электростанций, это все равно создает перспективы для дальнейшего укоренения в других энергетических отраслях страны. В Туркменистане Total открыл свое представительство еще в 1993 г., од-

нако его деятельность там не передается огласке. Тем не менее, очевидно, что основным интересом нефтегазового гиганта в этой центральноазиатской республике являются богатые запасы природного газа.

Атомная отрасль также является важным компонентом обеспечения стратегической автономии Франции и Европы. Пятая республика обладает крупнейшими в мире возможностями в этой сфере. Однако такой фактор, как зависимость от российского ядерного топлива, не позволяет странам мира сегодня ввести санкции против российской атомной отрасли. По этой причине страны G7, включая Францию, приняли план по преодолению зависимости от российского ядерного топлива. Париж на сегодняшний день не зависит ни от одного поставщика урана, эти потоки изначально диверсифицировались для обеспечения безопасности атомной отрасли. При этом ухудшение отношений с Россией, а также прекращение поставок урана из Нигера, который был одним из крупных продавцов данного элемента на европейском рынке, создали угрозу для ядерной отрасли. Из этого следует, что Париж будет укреплять отношения с перспективными поставщиками урана.

На этом фоне выглядит логичным углубление сотрудничества в атомной отрасли с государствами Центральной Азии, а именно с богатыми ураном Казахстаном и Узбекистаном. Свидетельством этому является и обсуждение вопросов сотрудничества в данной отрасли на высшем уровне. В 2022 г. с главой французской государственной компании Orano провел встречу президент Казахстана, а в 2023 г. — глава Узбекистана [Orano, 2022, 2023]. Атомная отрасль является менее вариативной в вопросе поиска партнеров, нежели нефтегазовая сфера, поэтому важность Казахстана и Узбекистана для Франции здесь на порядок выше. При этом Париж не собирается отступать от стратегии диверсификации потоков урана и ядерного топлива.

Таким образом, сотрудничество Франции с рядом государств Центральной Азии в области энергетики относится к первому из сформулированных типов кооперации. Поддержание прагматичных отношений с государствами региона является для Парижа одной из опций в решении глобальной задачи обеспечения энергетической безопасности и стратегической автономии. В сложившихся условиях, особенно в том, что касается сотрудничества в атомной отрасли, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан выступают оптимальными вариантами для диверсификации поставок энергетических ресурсов, несмотря на ряд рисков и проблем, с которыми сопряжено это сотрудничество.

Область политического взаимодействия Франции с государствами Центральной Азии касается всего региона комплексно, так как они представляют интерес для международных акторов как единое геополитическое пространство. Одной из внешнеполитических целей Парижа является укрепление своей глобальной роли. Франция исторически была одним из ведущих мировых государств, сегодня она во многом сохраняет свои позиции, например, место среди постоянных членов Совета Безопасности ООН, членство в G7, G20 и других организациях. Власти Франции стремятся развивать отношения не только с крупными государствами, но и со странами так называемого Глобального Юга, чтобы укреплять свое присутствие и реализовывать свои интересы за пределами традиционных сфер влияния [European Political Community...].

Для укрепления своего глобального лидерства Франции необходимо выстраивать и поддерживать на должном уровне отношения с государствами в различных частях света. Осенью 2023 г. агентство AFP со ссылкой на источники в Елисейском дворце сообщило, что Франция намерена сохранять свой вес в регионе наравне с США и Евросоюзом, в том числе на фоне ослабления России как основного партнера центральноазиатских республик. Государства Центральной Азии также заинтересованы развивать многовекторное сотрудничество со всеми государствами мира, чтобы не впасть в слишком сильную зависимость от того или иного партнера.

С каждым из государств Центральной Азии Париж установил регулярные двусторонние контакты на уровне МИД, что позволяет на постоянной основе обсуждать вопросы двусторонних отношений, а также региональную и глобальную повестку. Выгодным для Парижа было бы и включение стран Центральной Азии в проект Европейского политического сообщества (ЕПС). Во-первых, участие в деятельности ЕПС уже принимают государства Южного Кавказа: Армения, Азербайджан и Грузия. Это пространство зачастую рассматривается в связке с Центральной Азией. Во-вторых, идея ЕПС во многом коррелирует с концепцией «Большой Европы», традиционным сторонником которой является Париж [European Political Community...]. Включение стран Центральной Азии во французский проект ЕПС будет способствовать укреплению роли Франции в регионе, а также будет упрочнять необходимую региону, по мнению местных властей и западных партнеров, диверсификацию. С другой стороны, включение Центрально-Азиатского региона в подобный проект кажется не слишком вероятным. Европейское политическое сообщество, по словам президента Франции, не подразумевает включение в него России. Важно отметить, что ЕПС появилось в разгар вооруженного конфликта на Украине, что также позволяет сделать вывод об антироссийской направленности объединения. Государства Центральной Азии не заинтересованы в участии в платформах, которые несут цель дискредитации или исключения из политического процесса кого-либо из своих партнеров, поэтому, пока Европейское политическое сообщество будет сохранять такую направленность, вступление в него стран Центрально-Азиатского региона выглядит маловероятным [Central Asia Faces Challenges...].

Проведение антитеррористических операций, а также участие в вопросах региональной стабильности и безопасности в разных частях света является важной составляющей работы Пятой республики по обеспечению своего глобального лидерства. Сотрудничество в области безопасности Франция в основном осуществляет с Таджикистаном. Это связано, в первую очередь, с проблемой Афганистана: Душанбе стал единственным региональным актором, который не стал устанавливать какие-либо отношения с пришедшим к власти в 2021 г. движением «Талибан» (запрещено в РФ). Франция также занимает радикальную позицию в отношении талибов, как и Европейский союз в целом, что сближает их позиции с Таджикистаном [Brève notice sur la coopération...].

Таким образом, обеспечение глобального лидерства Франции, безусловно, является важной задачей Парижа. Ее реализация осуществляется за счет расширения политического сотрудничества с государствами Центральной Азии. Эти

отношения, скорее, относятся к случаям, где Центрально-Азиатский регион выступает «перевалочным пунктом» в достижении масштабных целей французской внешней политики. Конечно, Центральная Азия является уникальным регионом, однако глобальное лидерство, в рассматриваемом случае французское, складывается из развития подобных отношений в разных регионах мира. Соответственно, государства Центральной Азии здесь выступают лишь одной из составляющих, но благодаря имеющимся с ними связям Париж может претендовать на статус одного из мировых лидеров.

Последней сферой сотрудничества, которая будет рассмотрена в данной статье, является культурно-гуманитарная кооперация между Францией и государствами Центральной Азии. Если в экономических и политических вопросах наблюдается явная дифференциация подходов, то в области культурного, гуманитарного и образовательного взаимодействия со странами Центрально-Азиатского региона политика Франции преимущественно гомогенна.

Распространение французской культуры и французского языка является одной из приоритетных задач внешней политики Парижа. А.К. Диканбаева и М.С. Сарыбаев отмечают, что Франция, исходя из большого опыта культурной дипломатии, основанной на сотрудничестве в области культуры и образования, понимает, как мягкая сила помогает усилить образ государства во внешнем мире [Dikanbayeva, Sarybaev, 2024].

Власти Пятой республики применяют данный подход и в отношении государств Центральной Азии. Сами государства региона также стремятся распространять свою многовековую культуру, развивать сферу образования для улучшения системы и количества кадров. Они также, по очевидным причинам, позитивно относятся к гуманитарным инициативам, которые помогают преодолевать существующие трудности в обеспечении жизнедеятельности населения. А.К. Диканбаева и М.С. Сарыбаев считают, что, имплементируя культурные, образовательные и гуманитарные инициативы, Париж стремится укрепить связи с Центральной Азией и продвигать в этом регионе свои ценности и интересы.

При этом культурное и образовательное сотрудничество не является односторонним. Во Франции открыты несколько культурных центров государств Центральной Азии, в Национальном музее восточных искусств Гиме проходят выставки, посвященные культуре и истории государств региона, проводятся кинофестивали и другие мероприятия, знакомящие французов с культурой Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана [Посольство Республики Казахстан во Французской Республике, 2022].

Таким образом, в случае с культурно-гуманитарным сотрудничеством можно наблюдать некоторую двойственность. С одной стороны, продвижение французского языка и культуры является одной из важнейших внешнеполитических задач государства, становится основой политики мягкой силы, которая в дальнейшем позволяет реализовывать другие задачи и в целом создает благоприятную атмосферу для сотрудничества. Такая политика не эксклюзивна для стран Центральной Азии: они, как и в случае с политическим сотрудничеством для укрепления глобальной роли, являются лишь ее составным элементом. С другой стороны, взаимный культурный обмен также является важной составляющей

французской культурно-гуманитарной политики. Изучение и распространение культуры центральноазиатских партнеров во Франции представляет уже самоценность, потому что эти государства могут в значительной степени обогатить французскую культуру и мировосприятие.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, пересечение внешнеполитических интересов Франции и той роли, которую государства Центральной Азии играют в глобальных международных отношениях, выражается в реализации конкретных проектов. Взаимоотношения Парижа с государствами Центрально-Азиатского региона находятся на разном уровне развития, так как страны предлагают Пятой республике разный набор средств для реализации внешнеполитических интересов. Во-вторых, Центрально-Азиатский регион имеет разное значение для Франции в зависимости от сферы, в которой развиваются отношения с государствами. В том, что касается экономического и политического взаимодействия, государства региона выступают скорее промежуточным звеном в реализации французских внешнеполитических интересов. Это связано с тем, что страны Центральной Азии либо выступают неэксклюзивной опцией для решения задач Пятой республики, либо отношения с ними являются лишь одним из компонентов решения глобальной задачи. При этом в случае с культурно-гуманитарным сотрудничеством возникает двойственность. С одной стороны, страны Центральной Азии выступают в роли составляющей, с помощью которой решается глобальная внешнеполитическая задача распространения французского языка и французской культуры. С другой стороны, Париж заинтересован в изучении культуры народов Центрально-Азиатского региона и обогащении своей собственной культуры за счет них. В этой парадигме культурно-гуманитарное сотрудничество государств является самоценным.

Библиографический список

Allocution de M. François Mitterrand, Président de la République, sur les relations culturelles, scientifiques et économiques entre la France et l'Ouzbékistan, Paris le 27 octobre 1993. Élysée. URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1993/10/27/allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-les-relations-culturelles-scientifiques-et-economiques-entre-la-france-et-louzbekistan-paris-le-27-octobre-1993> (дата обращения: 13.05.24).

Brève notice sur la coopération archéologique franco-tadjike. Cahiers d'Asie centrale. URL: <https://journals.openedition.org/asiacentrale/645?lang=en> (дата обращения: 13.05.24).

Central Asia Faces Challenges and Sees Opportunities Amid Complex Geopolitical Outlook. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/central-asia-faces-challenges-and-sees-opportunities-amid-complex-geopolitical-outlook/> (дата обращения: 13.05.24).

Country Comparisons — Exports. CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/exports/country-comparison> (дата обращения: 13.05.24).

Dikanbayeva A. M., Sarybaev M. S. Soft power tools in Central Asia: towards a closer relationship with France. French Politics. 2024. № 22. P. 64—80. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41253-023-00235-y> (дата обращения: 13.05.24).

European Political Community: What we know and don't know about the new club of nations. Euronews. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2022/10/05/what-we-know-and-dont-know-about-the-european-political-community> (дата обращения: 13.05.24).

Kazakhstan. Agence française de développement (AFD). URL: <https://www.afd.fr/fr/page-region-pays/kazakhstan#:~:text=L'AFD%20est%20pr%C3%A9sente%20dans,%C2%AB%20croissance%20verte%20et%20solidaire%20C2%BB>. (дата обращения: 13.05.24).

Nos membres. AGENCE UNIVERSITAIRE DE LA FRANCOPHONIE. URL: <https://www.auf.org/europe-centrale-orientale/membres/nos-membres/?pays%5B0%5D=KZ> (дата обращения: 13.05.24).

Orano in Kazakhstan. Orano. URL: <https://www.orano.group/en/orano-across-the-world/kazakhstan> (дата обращения: 13.05.24).

Orano in Uzbekistan. Orano. URL: <https://www.orano.group/en/orano-across-the-world/uzbekistan> (дата обращения: 13.05.24).

Культурно-гуманитарное сотрудничество. Посольство Республики Казахстан во Французской Республике. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-paris/activities/1730?lang=ru> (дата обращения: 13.05.24).

References

Allocution de M. François Mitterrand, Président de la République, sur les relations culturelles, scientifiques et économiques entre la France et l'Ouzbékistan, Paris le 27 October 1993. Élysée. URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1993/10/27/allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-les-relations-culturelles-scientifiques-et-economiques-entre-la-france-et-louzbekistan-paris-le-27-octobre-1993> (accessed: 13.05.24).

Brief notice on French-Tajik archaeological cooperation. Central Asian News Agency. URL: <https://journals.openedition.org/asiecentrale/645?lang=en> (accessed: 13.05.24).

Central Asia Faces Challenges and Sees Opportunities Amid Complex Geopolitical Outlook. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/central-asia-faces-challenges-and-sees-opportunities-amid-complex-geopolitical-outlook/> (accessed: 13.05.24).

Country Comparisons — Exports. CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/exports/country-comparison> (accessed: 13.05.24).

Dikanbayeva A. M., Sarybaev M. S. Soft power tools in Central Asia: towards a closer relationship with France. French Politics. 2024. № 22. P. 64—80. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41253-023-00235-y> (accessed: 13.05.24).

European Political Community: What we know and don't know about the new club of nations. Euronews. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2022/10/05/what-we-know-and-dont-know-about-the-european-political-community> (accessed: 13.05.24).

Kazakhstan. Agence française de développement (AFD). URL: <https://www.afd.fr/fr/page-region-pays/kazakhstan#:~:text=L'AFD%20est%20pr%C3%A9sente%20dans,%C2%AB%20croissance%20verte%20et%20solidaire%20C2%BB>. (accessed: 13.05.24).

Our members. AGENCE UNIVERSITAIRE DE LA FRANCOPHONIE. URL: <https://www.auf.org/europe-centrale-orientale/membres/nos-membres/?pays%5B0%5D=KZ> (accessed: 13.05.24).

Orano in Kazakhstan. Orano. URL: <https://www.orano.group/en/orano-across-the-world/kazakhstan> (accessed: 13.05.24).

Orano in Uzbekistan. Orano. URL: <https://www.orano.group/en/orano-across-the-world/uzbekistan> (accessed: 13.05.24).

Cultural and humanitarian cooperation. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the French Republic. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-paris/activities/1730?lang=ru> (accessed: 13.05.24).

А.В. Сорокин

Стратегия Японского правительства по продвижению концепции устойчивого развития в странах Центральной Азии

Аннотация. Статья посвящена анализу инвестиционной политики японского правительства в рамках продвижения концепции устойчивого развития в Центральной Азии. В настоящем исследовании рассмотрены три этапа двусторонних отношений по данному направлению: первый — подписание договора в рамках «Механизма совместного кредитования» (JCM) и юридическое закрепление сотрудничества, второй — предоставление инвестиций в рамках официальной помощи в целях развития (ОПР), третий — подписание торгово-экономического соглашения.

Ключевые слова: региональное развитие, Япония, Центральная Азия, ПИИ, JICA, JOGMEC.

Автор: *Сорокин Александр Владимирович*, студент 4 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ORCID: 0009-0003-4371-4863. E-mail: alexander.sorokin024@gmail.com

Научный руководитель: *Разумовский Игорь Анатольевич*, PhD, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0001-8779-4998. E-mail: irazumovskiy@hse.ru

Aleksandr V. Sorokin

The Strategy of the Japanese Government to Promote the Concept of Sustainable Development in Central Asian Countries

Abstract. The article is dedicated to the analysis of investment policy of the Japanese government in promotion of the concept of sustainable development in Central Asia. This study examines a three-step strategy of bilateral relations: signing of an agreement within the framework of the Joint Credit Mechanism (JCM) and the legal consolidation of cooperation, provision of investments within the Official Development Assistance (ODA), and signing of a trade and economic agreement.

Keywords: regional development, Japan, Central Asia, FDI, JICA, JOGMEC.

Author: *Sorokin Aleksandr V.*, 4th year student of the National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0009-0003-4371-4863.
E-mail: alexander.sorokin024@gmail.com

Research supervisor: *Razumovsky Igor A.*, PhD, associate professor at the National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0001-8779-4998.
E-mail: irazumovskiy@hse.ru

Япония занимает 5 место в мире по показателю ВВП и является одной из наиболее развитых экономик мира [World Bank, 2024]. Основа японского экономического успеха лежит в развитии обрабатывающей промышленности и производстве продуктов с высокой добавленной стоимостью, тогда как добывающая промышленность представлена незначительно и составляла менее 5 % ВВП в 2022 г. [内閣府, 2024]. Основными причинами данной особенности являются незначительное количество месторождений природных ресурсов на территории страны и дороговизна их разработки. Обеспечение стабильного импорта природных ресурсов, включая нефть и газ, является неотъемлемой частью национальной стратегии Японии [World Economic Forum, 2023]. Актуализация вопроса энергетического перехода в рамках принятого плана по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. открыла для Японии новую возможность диверсификации импорта энергоресурсов [METI, 2021]. Так, в 2011 г. был принят «Механизм совместного кредитования» (JCM), направленный на снижение эмиссии CO₂ среди развивающихся стран при поддержке Японии, в том числе посредством создания производств «зеленого водорода» [MFA, 2024]. Обеспечение технологической и финансовой поддержки развивающихся стран Центральной Азии для Страны восходящего солнца напрямую связано со стратегическими вопросами национального уровня — доступом к природным ресурсам и снижением эмиссии парниковых газов.

Ключевыми организациями в обеспечении данных целей являются Japan International Cooperation Agency (JICA) и Japan Organization for Metals and Energy Security (JOGMEC). JICA обеспечивает официальную помощь в целях развития (ОПР) [JICA, 2023], JOGMEC — стабильный импорт природных ресурсов в Японию [JOGMEC, 2024]. Заключенные в рамках двусторонних отношений договоры JCM являются юридической базой, в то время как проекты JICA и JOGMEC — фактической реализацией достигнутых договоренностей. За последние 3 года Япония заключила договоры JCM с 5 из 8 стран Центральной Азии и Кавказа — Грузией, Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном [MFA, 2024].

В структуре инвестиций JICA по направлению вложений преобладают Южная и Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион, в совокупности составляющие более 50 % от всех инвестиций организации в 2016—2022 гг. (рис. 1). На протяжении того же периода на страны Центральной Азии и Кавказа приходилось менее 5 %, что, несмотря на незначительную долю, пропорционально объемам ВВП [JICA, 2023].

Основными инструментами JICA, направленными на поддержание регионального развития, являются обеспечение технической поддержки, предоставление безвозмездных грантов и инвестиций [JICA, 2023]. Среди трех перечисленных пунктов наибольшую долю занимает именно последний, составляя 80 % от общей стоимости программ, реализуемых в странах Центральной Азии и Кавказа в 2022 г. До 2020 г. инвестиционные потоки JICA в регион являлись нестабильными, однако после начала активной фазы подписания договоров о сотрудничестве в области устойчивого развития доля JCM заметно возросла. Так, в 2021 г.

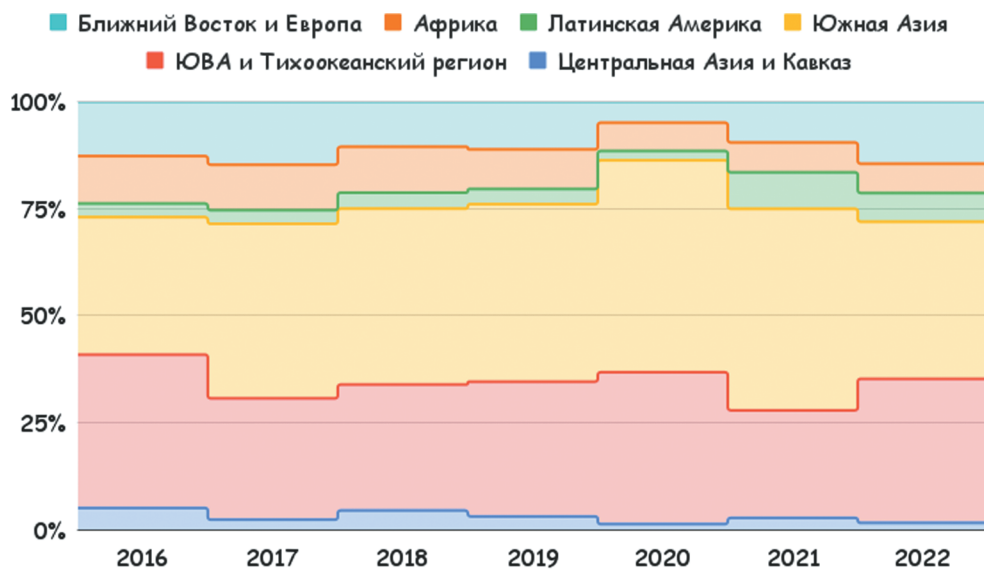

Рис. 1. Структура инвестиций JICA по регионам мира, 2016—2022 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

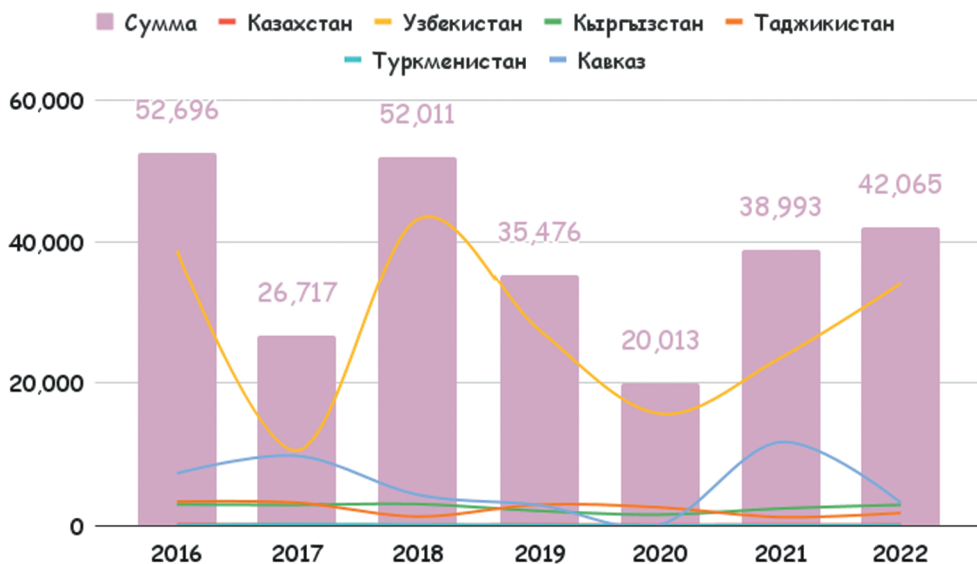

Рис. 2. Динамика инвестиций JICA в Центральную Азию по странам в млн иен, 2016—2022 гг. (рассчитано автором по данным JICA)

объем инвестиций в страны региона составил 38933 млн иен, а в 2022 г. уже 42065 млн иен (рис. 2).

Инвестиции распределяются по странам региона неравномерно, а наибольшая их доля приходится на Узбекистан (рис. 3). На Казахстан, являющийся эко-

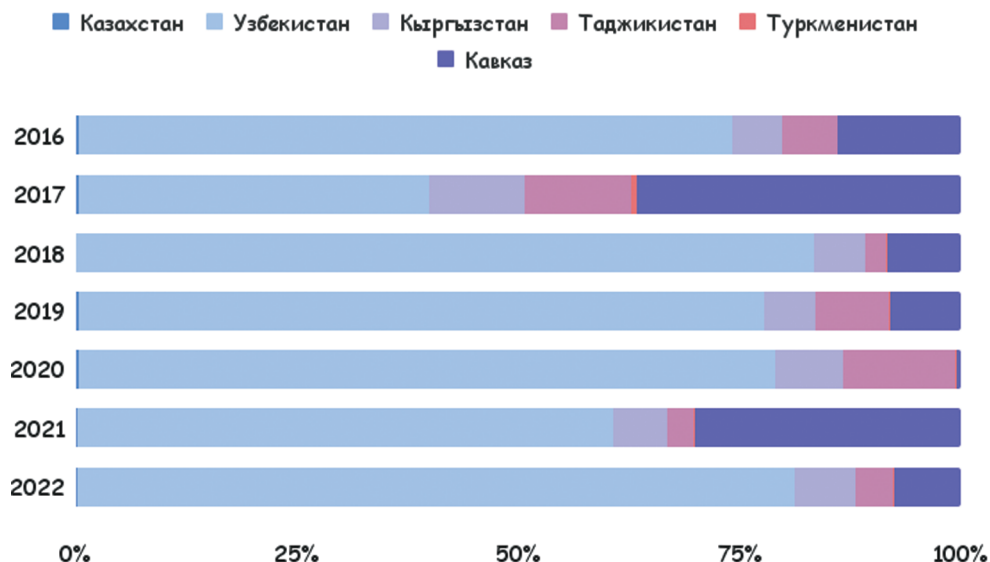

Рис. 3. Структура инвестиций JICA в Центральную Азию по странам, 2016—2022 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

номическим лидером региона, приходится менее 1 % инвестиций. Более того, в связи с достижением стабильного годового роста ВВП, основная миссия JICA была завершена в стране еще в 2012 г. [JICA, 2024].

Сотрудничество Центральной Азии и JICA характеризуется существенными различиями, вызванными особенностями социально-экономического положения стран. Далее представлен структурный анализ программ и инвестиционных проектов JICA в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. О миссии JICA в Туркменистане отсутствует подробная отчетность, тогда как деятельность организации в Казахстане была завершена в 2012 г.

Узбекистан

Первоначально сотрудничество базировалось на предоставлении кредитов на инфраструктурные проекты по запросу правительства Узбекистана в 1995 и 1996 гг. (рис. 4). По мере стабилизации внутривнутриполитической обстановки в Узбекистане начали реализовываться и дополнительные меры поддержки. Так, в 2000 г. был реализован первый проект по технической кооперации, направленный на создание группы экспертов для разработки рыночных механизмов, а в 2004 г. предоставлен грант на покупку дорожно-строительной техники в целях создания инфраструктуры [JICA, 2023]. Грантовая поддержка и техническая кооперация составляют половину проектов по видам поддержки за весь период сотрудничества сторон.

К основным отраслям, на которые направлены инвестиции, относятся электроэнергия, развитие человеческого капитала (в том числе образовательные про-

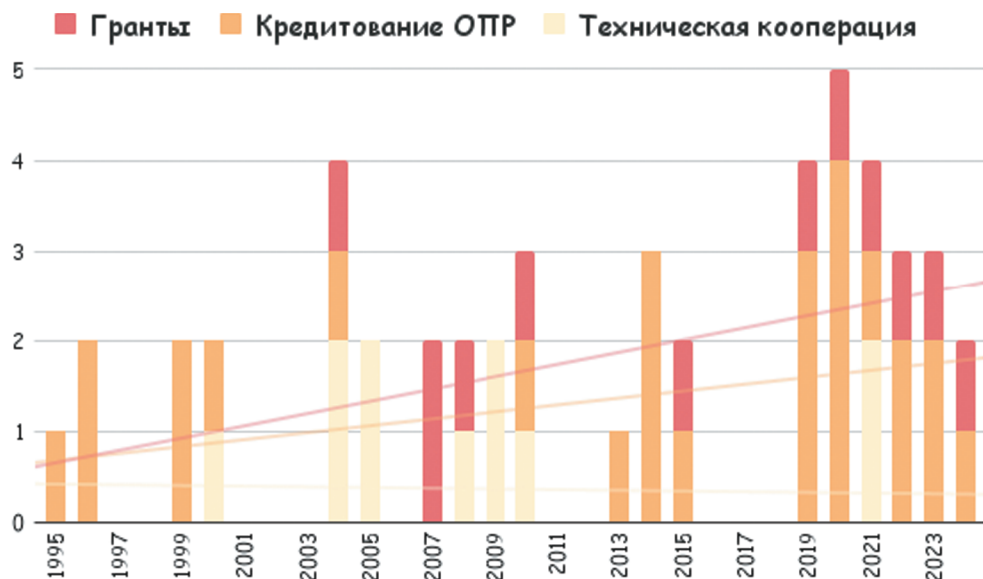

Рис. 4. Динамика инвестиций JICA в Узбекистан, 1995–2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

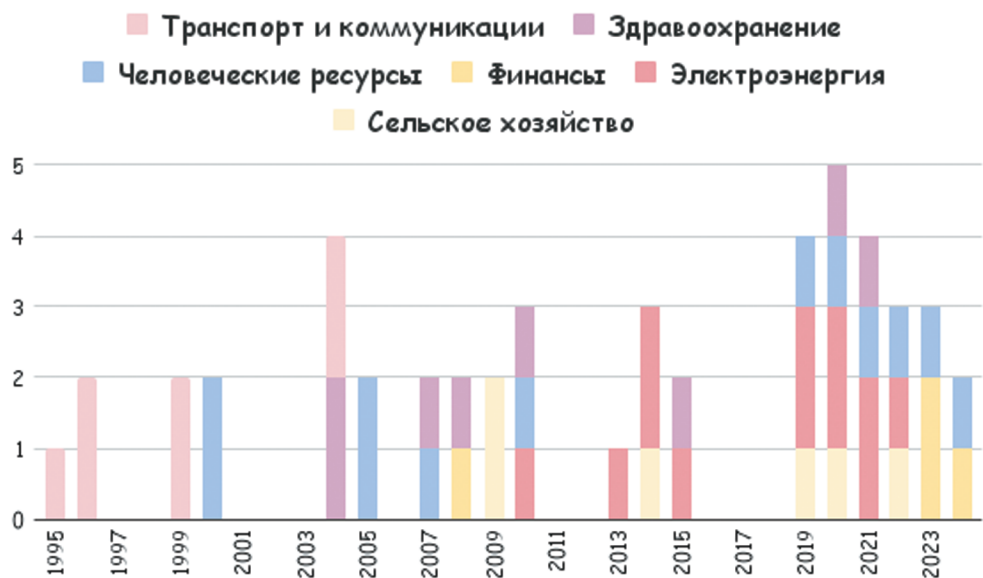

Рис. 5. Динамика инвестиций JICA в Узбекистан по направлениям, 1995–2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

екты) и здравоохранение — 24,5 %, 24,5 % и 16,3 % соответственно (рис. 5). Стоит отметить, что в рамках развития человеческого капитала с 2019 г. началась активная поддержка высшего образования — предоставление грантов на обучение,

создание программы «JICA Chair» для исследователей Японии в университетах страны и др. На сегодняшний день в активной фазе реализации находятся 16 проектов, отраслевое соотношение в которых практически полностью совпадает с данными за весь период наблюдений, упомянутыми ранее. Исключение составляет лишь «Транспорт и коммуникации» — последний проект по данному направлению был завершён в 2004 г. Представлено 9 локальных проектов, реализуемых в 5 из 14 регионов страны, а также 7 проектов национального масштаба [JICA, 2024].

Кыргызстан

Большинство проектов JICA в Кыргызстане реализуются на безвозмездной основе, то есть являются грантами. Исключения составляют три проекта по созданию транспортной инфраструктуры 1996, 1998 и 2015 гг. (рис. 6) [JICA, 2024]. Суммарное количество реализованных и реализуемых проектов в Кыргызстане равно количеству таковых в Узбекистане, однако их стоимость гораздо ниже. Так, в 2022 г. на Кыргызстан приходилось только 7 % от инвестиций JICA в Центральную Азию, тогда как на Узбекистан — 81 %.

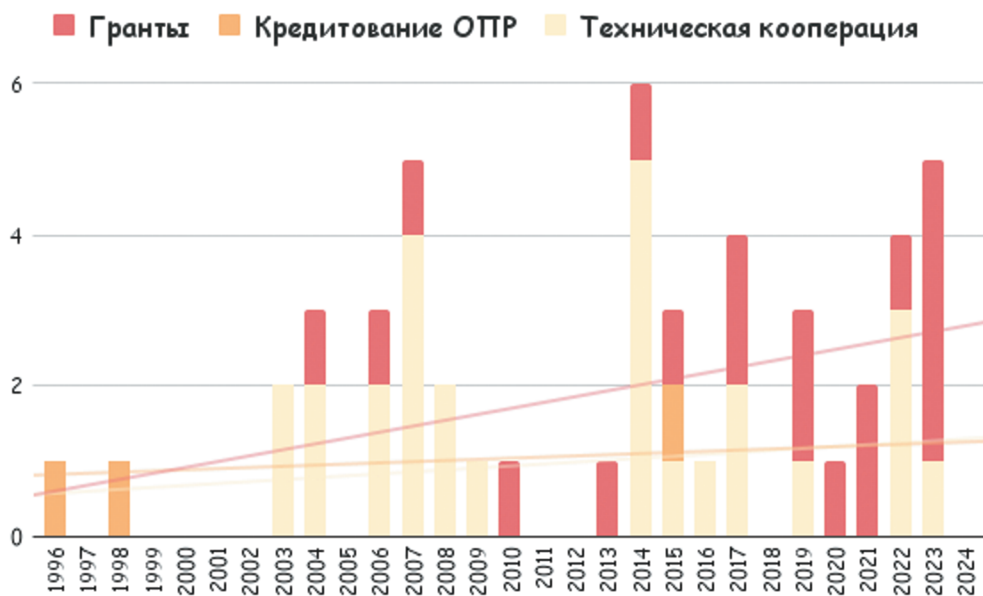

Рис. 6. Динамика инвестиций JICA в Кыргызстан, 1996—2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

Особенное внимание уделено развитию сельского хозяйства, человеческого капитала, защите окружающей среды, а также инфраструктуры, в том числе в рамках предотвращения природных бедствий и их последствий — камнепадов, землетрясений, метелей. В активной фазе на 2024 г. находятся 9 локальных про-

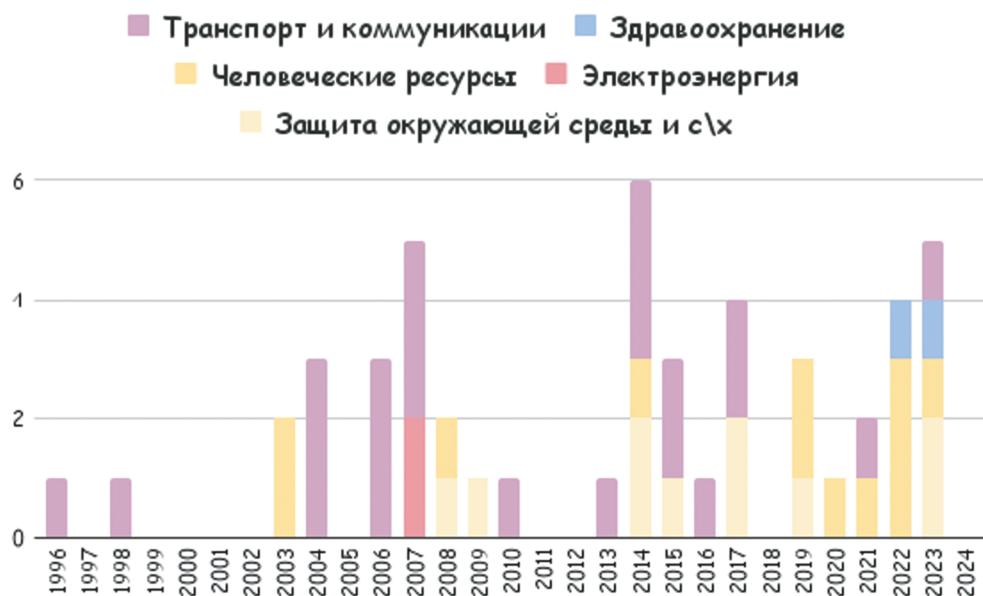

Рис. 7. Динамика инвестиций JICA в Кыргызстан по отраслям, 1996—2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

ектов, которые реализуются в 4 из 7 регионов страны, а также 6 национальных проектов [JICA, 2024]. Особенно примечательным из последних является проект по продвижению модели One Village One Product (OVOP) в сельском хозяйстве. Суть OVOP заключается в обеспечении экономического роста отдаленных регионов, подверженных высокому оттоку населения в крупные города, посредством использования природных и культурных особенностей. Программы по поддержке региональных особенностей с целью обеспечения экономического роста встречаются во многих странах, однако OVOP была сформулирована в Японии в 1979 г. губернатором префектуры Оита Морихито Хирамацу [JICA, 2024]. Со временем концепция распространилась по всей стране и за ее пределами — аналогичные программы были инициированы в Китае, Таиланде и на Филиппинах. При поддержке JICA программа OVOP была также реализована в странах Латинской Америки.

Таджикистан

В случае Таджикистана около 70 % помощи JICA представляется на безвозмездной основе в форме грантов, тогда как кредитование отсутствует вовсе (рис. 8).

Первые инвестиционные проекты были сформированы после 2003 г., что позже, чем в Узбекистане и Кыргызстане почти на десятилетие [JICA, 2024]. Большая часть проектов направлена на обеспечение коммуникаций и улучшение здравоохранения, что в целом схоже с проектами JICA в Кыргызстане (рис. 9).

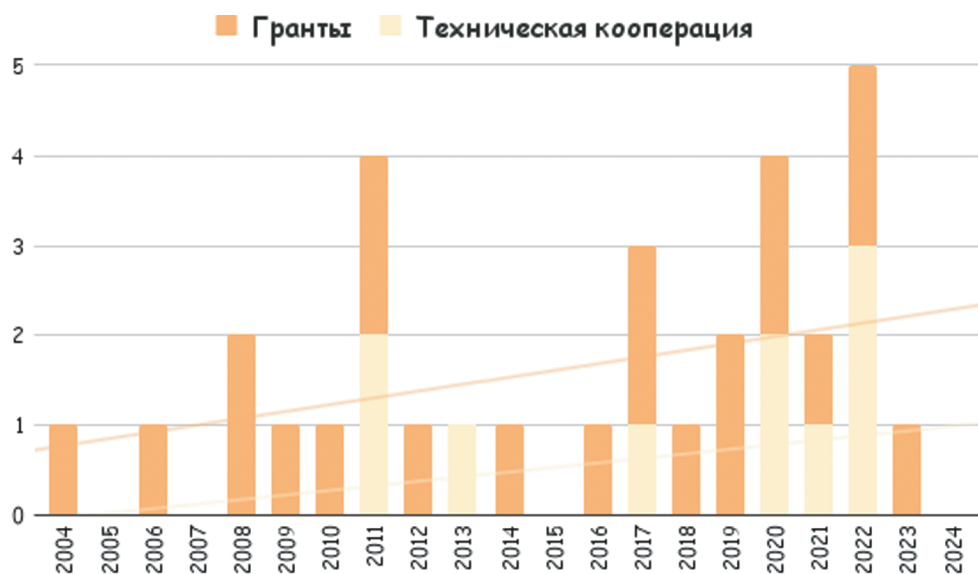

Рис. 8. Динамика инвестиций JICA в Таджикистан, 2004—2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

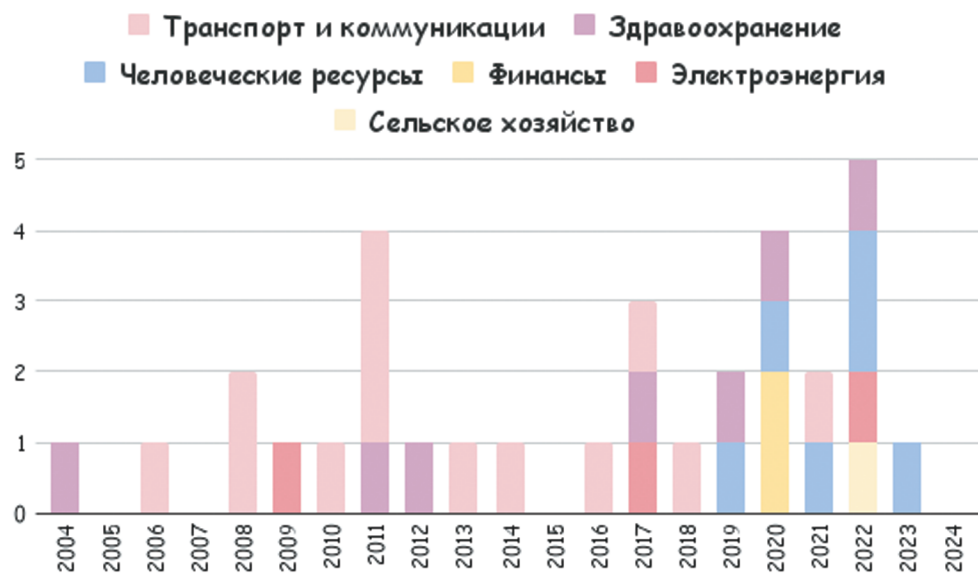

Рис. 9. Динамика инвестиций JICA в Таджикистан по отраслям, 2004—2024 гг.
(рассчитано автором по данным JICA)

В стране реализуется гораздо меньше проектов по развитию экономики (сельское хозяйство, энергетическая отрасль, малый и средний бизнес), однако уникальным проектом является бизнес-инкубатор, направленный на улучшение

знаний предпринимателей об особенностях ведения бизнеса и его цифровизации. Поскольку в отдаленных районах страны сельское хозяйство по-прежнему сохраняет жизненно важную роль для экономики Таджикистана, JICA реализует проект, несколько похожий на упомянутый ранее OVOP — Smallholder Horticulture Empowerment & Promotion (SHEP) [JICA, 2024]. SHEP — это стратегия, направленная на рынокоориентированное производство сельскохозяйственной продукции мелкими фермерами. Впервые стратегия была инициирована правительством Кении при сотрудничестве с JICA в 2006 г. Сезонность, качество и объем товара, а также иные факторы, связанные с анализом спроса, нередко не учитывались мелкими фермерами, что приводило к финансовым убыткам и дестабилизации поставок сельскохозяйственной продукции на местные рынки. С помощью SHEP удалось оживить локальную экономику и стабилизировать поставки продовольствия. Данный проект является одним из 7 действующих национальных проектов. Кроме того, в Таджикистане реализуются 5 локальных проектов в 3 из 4 регионов страны [JICA, 2024].

Инвестиционные потоки в незначительной степени подвержены финансовым и политическим кризисам в регионе. Так, финансовый кризис 2008—2009 гг. незначительно повлиял на количество инвестиционных проектов. Обострение политической обстановки в Восточной Европе в 2014 г. хоть и привело к введению обширного количества санкций против российских компаний, в том числе расположенных в странах Центральной Азии, но не стало серьезным препятствием для инвестиций.

Отсутствие новых проектов в отдельные периоды преимущественно связано с привлечением крупных инвестиций ранее (в Узбекистане в 2001—2003 гг., 2011—2012 гг., 2016—2018 гг.). Так, в 2015 г. было начато строительство Ташкентской теплоэлектростанции с использованием передовых технологий в области энергоэффективности и снижения влияния на окружающую среду. Общая стоимость проекта составила 12 млрд иен или около 76 млн долл. (по курсу на 05.01.2025) [JICA, 2024].

Подобное распределение инвестиционных потоков может быть вызвано общими показателями развития и экономическим потенциалом стран. Сопоставив индекс «Легкости ведения бизнеса», ежегодно составляемый Всемирным банком, и объем инвестиций JICA в Центральной Азии, можно заметить прямо пропорциональный тренд (рис. 10) [The World Bank, 2024]. Исключение составляет лишь Казахстан, где миссия JICA была завершена в 2012 г. В рамках индекса «Легкости ведения бизнеса» рассматриваются обеспечение защиты прав частной собственности, возможности льготного кредитования, доступ к ресурсам и ряд других показателей, влияющих на возможности развития частного предпринимательства. Кроме того, аналогичному тренду (за исключением Туркменистана, по которому отсутствуют данные о деятельности JICA) следует показатель ВВП на душу населения [Our World in Data, 2024].

В 2024 г. между JOGMEC и «КазМунайГаз» был подписан Меморандум о сотрудничестве в области разведки и добычи нефти и природного газа [КазМунайГаз, 2024]. На сегодняшний день Казахстан — это единственная страна Центральной Азии, с которой Япония заключила договор на уровне полноценного

Рис. 10. Легкость ведения бизнеса в странах Центральной Азии, 2023 г.
(Всемирный банк)

торгово-экономического партнерства в добывающей промышленности, а не поддержки в целях развития. Кроме того, сотрудничество в рамках устойчивого развития продвигается с помощью международных проектов, последним из которых стала программа, запущенная в 2024 г. правительством Японии совместно с Программой развития ООН — «Повышение устойчивости городов к риску бедствий и изменению климата в Центральной Азии» [UNDP, 2024].

В рамках настоящего исследования было выяснено, что японское правительство активно поддерживает национальные проекты, направленные на устойчивое развитие стран Центральной Азии, а также внедряет программы, основанные на успешном опыте регионального развития в Японии. Юридическая основа сотрудничества может быть выражена вертикалью JCM—JICA—JOGMEC. За последние пять лет Япония активизировала свое присутствие в регионе: было не только увеличено финансирование, направленное на развитие наукоемких отраслей (в том числе водородной энергетики в Узбекистане), но и заключены соглашения JCM с большинством стран региона, а также впервые подписан договор на уровне JOGMEC. Инвестиции JICA в регион распределяются прямо пропорционально показателям экономического развития стран. Исключением является Казахстан, где офис организации закрылся более 10 лет назад в связи с возможностью самостоятельного обеспечения устойчивого экономического роста и развития. Казахстан также является первой страной, подписавшей соглашение по линии JOGMEC в рамках совместной разработки месторождения. Настоящий анализ продемонстрировал устойчивый рост интереса японского правительства к развитию региона за последние 5 лет. Учитывая данную тенденцию, не стоит исключать возможность заключения крупных двухсторонних соглаше-

ний со странами региона в будущем, а также привлечения японских компаний в регион. Подтверждение данной гипотезы возможно только при условии обеспечения дальнейших наблюдений.

Библиографический список

КазМунайГаз (2024). КМГ и JOGMEC подписали меморандум о сотрудничестве в области разведки и добычи нефти. URL: <https://www.kmg.kz/ru/press-center/press-releases/jogmec/> (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2023). Annual report. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2023). JICA at a glance. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Ex-Ante Evaluation (for Japanese ODA Loan), Tashkent Thermal Power Cogeneration Plant Construction Project. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 06.12.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). JICA Economic Development Department; OVOP (One Village, One Product Movement) expanding over the world — Aiming for community revitalization. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/types_of_assistance/tech/projects/activities/activities_36.html (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Kazakhstan. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/types_of_assistance/tech/projects/j_center/kazakhstan.html (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Kyrgyz Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Kyrgyz+Republic&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=2015&start_to=&fiscal_from=&fiscal_to=&search=Search (дата обращения: 24.12.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Maps of JICA Major Projects, Kyrgyz. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 10.12.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Maps of JICA Major Projects, Tajikistan. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Maps of JICA Major Projects, Uzbekistan. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 15.12.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). SHEP Approach and Its Expansion. URL: <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/agricul/shep/index.html> (дата обращения: 02.01.2025).

Japan International Cooperation Organization (2024). Tajikistan Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Tajikistan&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=2015&start_to=&fiscal_from=&fiscal_to=&search=Search (дата обращения: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization (2024). Uzbekistan Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Uzbekistan&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=&start_to=&search=Search&p=2 (дата обращения: 12.11.2024).

Japan Organization for Metals and Energy Security (2024). Overview. URL: <https://www.jogmec.go.jp/english/about/about001.html> (дата обращения: 12.11.2024).

Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan (2021). Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050. URL: <https://www.meti.go.jp/english/> (дата обращения: 30.12.2024).

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2024). Joint Crediting Mechanism JCM. URL: https://www.mofa.go.jp/ic/ch/page1we_000105.html (дата обращения: 12.11.2024).

Our World in Data (2024). GDP per capital. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/gdp-per-capita-maddison?time=1820..latest&country=UZB~KAZ~KGZ~TKM~TJK> (дата обращения: 20.12.2024).

The World Bank (2024). Ease of Doing Business ranking. URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (дата обращения: 12.11.2024).

UNDP (2024). Japan and UNDP embark on a new initiative to enhance urban resilience against climate risks in Central Asia. URL: <https://www.undp.org/kyrgyzstan/press-releases/japan-and-undp-embark-new-initiative-enhance-urban-resilience-against-climate-risks-central-asia> (дата обращения: 12.11.2024).

World Bank (2024). GDP (current US\$). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true&year_high_desc=true (дата обращения: 12.12.2024).

World Economic Forum (2023). How Japan solved its rare earth minerals dependency issue. URL: <https://www.weforum.org/stories/2023/10/japan-rare-earth-minerals/> (дата обращения: 12.11.2024).

内閣府 (2024). 経済活動別国内総生. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/sokuhou/sokuhou_top.html (дата обращения: 12.11.2024).

References

Japan International Cooperation Organization. (2023). Annual report. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2023). JICA at a glance. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Ex-Ante Evaluation (for Japanese ODA Loan), Tashkent Thermal Power Cogeneration Plant Construction Project. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 06.12.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). JICA Economic Development Department; OVOP (One Village, One Product Movement) expanding over the world — Aiming for community revitalization. URL: [https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/types_of_assistance/tech/projects/j_center/kazakhstan.html](https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/types_of_assistance/tech/projects/activities/activities_36.html) (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Kazakhstan. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/types_of_assistance/tech/projects/j_center/kazakhstan.html (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Kyrgyz Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Kyrgyz+Republic&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=2015&start_to=&fiscal_from=&fiscal_to=&search=Search (accessed: 24.12.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Maps of JICA Major Projects, Kyrgyz. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 10.12.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Maps of JICA Major Projects, Tajikistan. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Maps of JICA Major Projects, Uzbekistan. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (accessed: 15.12.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). SHEP Approach and Its Expansion. URL: <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/agricul/shep/index.html> (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Tajikistan Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Tajikistan&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=2015&start_to=&fiscal_from=&fiscal_to=&search=Search (accessed: 12.11.2024).

Japan International Cooperation Organization. (2024). Uzbekistan Evaluation Report. URL: https://www2.jica.go.jp/en/evaluation/index.php?anken=&area1=Asia&country1=Uzbekistan&area2=&country2=&area3=&country3=&field1=&field2=&field3=&start_from=&start_to=&search=Search&p=2 (accessed: 12.11.2024).

Japan Organization for Metals and Energy Security. (2024). Overview. URL: <https://www.jogmec.go.jp/english/about/about001.html> (accessed: 12.11.2024).

KazMunayGaz. (2024). KMG i JOGMEC podpisali memorandum o sotrudnichestve v oblasti razvedki i dobychi nefti [KMG and JOGMEC signed a memorandum on cooperation in oil exploration and production]. URL: <https://www.kmg.kz/ru/press-center/press-releases/jogmec/> (In Russ). (accessed: 12.11.2024).

Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. (2021). Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050. URL: <https://www.meti.go.jp/english/> (accessed: 30.12.2024).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2024). Joint Crediting Mechanism JCM. URL: https://www.mofa.go.jp/ic/ch/page1we_000105.html (accessed: 12.11.2024).

Our World in Data. (2024). GDP per capita. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/gdp-per-capita-maddison?time=1820..latest&country=UZB~KAZ~KGZ~TKM~TJK> (accessed: 20.12.2024).

The World Bank. (2024). Ease of Doing Business ranking. URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed: 12.11.2024).

UNDP. (2024). Japan and UNDP embark on a new initiative to enhance urban resilience against climate risks in Central Asia. URL: <https://www.undp.org/kyrgyzstan/press-releases/japan-and-undp-embark-new-initiative-enhance-urban-resilience-against-climate-risks-central-asia> (accessed: 12.11.2024).

World Bank. (2024). GDP (current US\$). Retrieved from https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true&year_high_desc=true (accessed: 12.12.2024).

World Economic Forum. (2023). How Japan solved its rare earth minerals dependency issue. URL: <https://www.weforum.org/stories/2023/10/japan-rare-earth-minerals/> (accessed: 12.11.2024).

内閣府. (2024). 経済活動別国内総生. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/sokuhou/sokuhou_top.html (accessed: 12.11.2024).

Поступила в редакцию: 27.01.2025.
Принята к публикации: 20.02.2025.

Received: 27 January 2025.
Accepted: 20 February 2025.

А.С. Спрыгин

Внешние факторы в развитии конфессиональной политики в Центральной Азии: кейс Комиссии США по международной религиозной свободе

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) в Центральной Азии. Автор оценивает роль комиссии в продвижении свободы вероисповедания и защиты прав религиозных меньшинств в регионе, а также рассматривает влияние ее деятельности на межконфессиональные отношения и государственную политику в этой сфере. Особое внимание уделено взаимодействию USCIRF с правительствами центральноазиатских стран, а также роли организации как инструмента утверждения американских интересов в регионе. В статье анализируются основные вызовы, с которыми сталкивается комиссия, включая культурные, исторические и политические особенности региона, а также уделяется внимание ее роли в защите демократических ценностей и прав человека. На основе анализа докладов USCIRF и реакции на них со стороны местных властей и международного сообщества автор делает выводы о роли комиссии как инструмента продвижения американских интересов, деятельность которого далеко не всегда способствует декларируемой цели укрепления межрелигиозного и межконфессионального мира в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, политика США, межконфессиональные отношения, религиозная политика.

Автор: Спрыгин Антон Сергеевич, младший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: sprygin@iccaras.ru

Anton S. Sprygin

External Factors in the Development of Confessional Policy in Central Asia: the Case of the U.S. Commission on International Religious Freedom

Abstract. The article analyzes the activities of the U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF) in Central Asia. The author analyzes the role of the commission in promoting religious freedom and protecting the rights of religious minorities in the region, and also considers the impact of its activities on interfaith relations and public policy in this area. Particular attention is paid to the interaction of USCIRF with the governments of Central Asian countries, as well as to its role as an instrument for asserting American interests in the region. The article analyzes the main challenges faced by the commission, including the cultural, historical and political characteristics of the region, as well as its role in strengthening democratic values and human rights. Based on the analysis of USCIRF reports and the reaction to them by local authorities and the international community, the author draws conclusions about the role of the commission as an instrument for promoting the interests of the U.S.,

whose activities do not always contribute to the declared goal of strengthening interreligious and interfaith peace in the countries of Central Asia.

Keywords: Central Asia, U.S. policy, interfaith relations, religious policy.

Author: *Sprygin Anton S.*, junior researcher at the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sprygin@iccaras.ru

В 1998 г. президентом США был подписан Акт о международной религиозной свободе (International Religious Freedom Act — IRFA), ставший основным программным документом по внешнеполитическому продвижению религиозных свобод в мире [International Religious Freedom Act of 1998]. Актом был зафиксирован «высокий приоритет» данного направления во внешней политике США со ссылкой на Всеобщую декларацию прав человека ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, Хельсинские соглашения ОБСЕ и Декларацию ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминация на основе религии или убеждений.

Акт IRFA стал фундаментом для институционального продвижения международной религиозной свободы. Были созданы Управление по международной религиозной свободе (Office of International Religious Freedom — OIRF), Комиссия США по международной религиозной свободе (United States Commission on International Religious Freedom — USCIRF), учреждена должность посла по особым поручениям по вопросам международной религиозной свободы (Ambassador at Large for International Religious Freedom).

USCIRF трактует свободу религии и убеждений как обширное право человека на свободу мысли, совести, выражения мнений, организации собраний, создания соответствующих объединений. Неотъемлемой частью религиозной свободы признается право верить или не верить сообразно своей совести, придерживаться своих убеждений открыто, мирно и без страха [25th Anniversary of International Religious Freedom Act]. Религиозная свобода признается наиболее важной, «первой» свободой Америки, «ядром» международных прав человека, «необходимым компонентом внешней политики США и обязательством Америки по глобальной защите демократии и свободы» и «жизненно важным элементом национальной безопасности», имеющим решающее значение для достижения мира, процветания и стабильности в рамках всей планеты [там же].

В 2016 г. были приняты поправки к IRFA, известные также как Акт Фрэнка Вульфа (Frank Wolf Act) [Frank R. Wolf International Religious Freedom Act], требующие от USCIRF формирования онлайн-списка пострадавших от нарушений религиозных свобод и убеждений со стороны государств и негосударственных субъектов [там же]. Список включает в себя также имена заключенных, которые рассматриваются как «узники совести».

В целом законодательная база, выстроенная IRFA, предусматривает конкретные контрмеры в отношении нарушителей религиозной свободы, которые, помимо различного вида демаршей, общественных и публичных осуждений вклю-

чают в себя: приостановление или полный запрет научного и культурного обмена; отзыв, ограничение или приостановку помощи США, в том числе по направлениям безопасности; отказ в выдаче кредитов по линии ОПИС (Overseas Private Investment Corporation, Корпорация частных зарубежных инвестиций, действует при Правительстве США) или Экспортно-импортного банка [International Religious Freedom Act of 1998]. Кроме того, контрмеры предусматривают запрет финансовым учреждениям США предоставлять займы или кредиты правительству, организациям или должностным лицам, ответственным за нарушения религиозных свобод, а также запрет правительству США закупать товары или услуги у правительств, организаций или должностных лиц, ответственных за подобные нарушения.

Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) была создана в 1998 г. в качестве «независимого», двухпартийного органа федерального правительства США, задачей которого является слежение за соблюдением всеобщего права на свободу религии и убеждений за рубежом [United States Commission on International Religious Peace]. Комиссия разрабатывает политические рекомендации для президента США, государственного секретаря и Конгресса. Члены Комиссии назначаются непосредственно президентом.

В первую очередь Комиссия ежегодно публикует отчет, в котором фиксируются нарушения религиозных свобод в мире, а также даются рекомендации в отношении внешней политики США. Государственному секретарю при этом презентуют список стран, которые предлагается внести в категорию «вызывающих особую озабоченность» (country of particular concern или CPC). Помимо этого, в своем годовом отчете Комиссия дает оценку эффективности усилий Государственного департамента по продвижению международной религиозной свободы.

В качестве инструментария отдельным направлением работы Комиссии можно назвать организацию и проведение международных встреч ее членов с высокопоставленными чиновниками, религиозными деятелями, представителями неправительственных организаций и всеми лицами, заинтересованными в распространении религиозной свободы. Кроме того, члены Комиссии USCIRF на многосторонней основе сотрудничают с ООН, ОБСЕ и различными институтами ЕС.

Параллельно Комиссии USCIRF схожую деятельность осуществляет Управление по международной религиозной свободе (OIRF), которое, однако, является частью Государственного департамента США и, соответственно, позиционируется как более «зависимая» организация [United States Department of State]. Управление OIRF также публикует ежегодный отчет, посвященный состоянию религиозных свобод, однако фиксирует их нарушение во всех странах мира, в то время как Комиссия USCIRF сосредоточена на перечне конкретных стран, в связи с чем ее рекомендации государственному секретарю и Государственному департаменту США носят более конкретный и практический характер в русле формирования международной политики. Годовые мониторинговые отчеты OIRF направляются на оценку Комиссии USCIRF, которая на основании представленных документов и собственной аналитики готовит годовой отчет уже за своим авторством.

В.А. Шипков в своем исследовании констатирует, что научная и методологическая выработка стратегии продвижения религиозной свободы в мире организационно шла слабо до 2016 г., когда произошла активизация этого направления внешней политики США [Шипков, 2022, с. 163]. В это же время директор Управления OIRF Том Фарр создает Институт религиозной свободы (Religious Freedom Institute), который становится одним из основных аналитических центров в данной области.

В поле зрения Института неоднократно попадают страны Центральной Азии. С точки зрения Института, религиозная свобода в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, в меньшей степени в Кыргызстане, нивелируется усилиями «авторитарных» правительств, которые продолжают советскую тактику «антирелигиозной дискриминации, запугивания и контроля», заключающуюся в первую очередь в требовании регистрации религиозных организаций согласно местному законодательству.

Указанной выше методологии в анализе международных религиозных свобод в целом придерживается и Комиссия USCIRF. Среди стран Центральной Азии, «вызывающих особую озабоченность» (CPC), Комиссия называет Таджикистан и Туркменистан — этим странам посвящены соответствующие разделы в годовом отчете, опубликованном Комиссией в мае 2023 г. [Annual Report of The U.S. Commission on International Religious Freedom 2023].

«Страны, вызывающие особую озабоченность» в Центральной Азии

Ситуация с религиозными свободами в Таджикистане классифицируется как «тяжелая» — с 2016 г. он каждый год попадает в список «проблемных» стран с точки зрения официальной политики США, формируемой на основании выводов Комиссии [там же]. В первую очередь это связано с ужесточением контроля над религиозной жизнью со стороны государства. В частности, детям до 18 лет запрещено посещать мечети и принимать участие во всех религиозных мероприятиях, за исключением похорон. Частное религиозное образование запрещено, дети при этом могут получать религиозные наставления исключительно от своих родителей. Начиная с 2014 г. правительство Таджикистана назначает имамов и контролирует содержание религиозных проповедей. Гражданам страны младше 35 лет запрещено совершать хадж — осуществлять паломничество, которое является одним из столпов ислама и важным религиозным обязательством.

Авторы отчета также обвинили государственные власти Таджикистана в проведении «немотивированных» арестов лиц, впоследствии обвиненных в террористической деятельности и распространении идеологии экстремизма на религиозной основе. Это также касается членов «Партии исламского возрождения Таджикистана» (запрещена в РФ) — организации, признанной в 2015 г. Верховным судом Таджикистана террористической и соответственно запрещенной, однако классифицируемой экспертами Комиссии как «умеренная исламская политическая партия».

Подобный государственный контроль также распространяется на другие религиозные организации, действующие в Таджикистане. Правительство требует обязательной регистрации всех религиозных организаций, в противном случае запрещая проводить религиозные собрания, владеть и пользоваться имуществом, производить и импортировать религиозную литературу, получать пожертвования и т. д.

На основании перечисленных нарушений Комиссия в 2023 г. рекомендовала Государственному департаменту США выдвинуть несколько условий правительству Таджикистана при получении последним помощи США в сфере безопасности. В частности, эти условия включают в себя требования по реформированию законодательной базы, касающейся религиозной сферы, улучшению условий для свободы религии и убеждений, а также требование по обязательному обучению таджикских должностных лиц «преимуществам свободы вероисповедания для противодействия и предотвращения насильственного экстремизма» [там же].

Кроме того, Комиссией рекомендуется осуществить ввод санкций в отношении государственных органов и должностных лиц Таджикистана, ответственных «за серьезные нарушения свободы вероисповедания» [там же]. Санкции подразумевают замораживание финансовых активов и запрет въезда в США.

Также Комиссия на основании своего ежегодного отчета призвала Государственный департамент США оказать серьезное политическое давление на правительство Таджикистана с целью освобождения из тюрем лиц, которые классифицируются экспертами США как «узники совести» и тех, кто получил судебные приговоры за свою религиозную принадлежность.

Подобные требования звучат на фоне выделения экономической помощи со стороны США: с момента признания независимости Таджикистана в 1991 г. Вашингтон предоставил 1,8 млрд долл., направленных на развитие экономики, образования, здравоохранения, поддержание региональной безопасности и борьбу с наркотрафиком [там же]. При этом правительство США обещало выделить еще 60 млн долл. в течение двух лет в качестве помощи в сфере безопасности.

Совсем негативную оценку авторы отчета дают Туркменистану. Согласно заключению Комиссии, правительство Туркменистана, которое описывается как «чрезвычайно авторитарный режим», в 2022 г. продолжает «контролировать все аспекты религиозной жизни и самовыражения». При этом авторы отчета подчеркивают, что контроль государственных органов над информацией затрудняет документирование нарушений в области религиозных свобод, которые «безусловно более масштабны, чем указано в ограниченном количестве отчетов» [там же].

Комиссия негативно расценивает государственный контроль религиозных групп и организаций, которые, согласно туркменскому законодательству, обязаны официально регистрироваться для осуществления своей деятельности.

Отдельное внимание в отчете уделено существованию «закрытых тюрем», в которых содержатся «узники совести», помещенные под арест из-за своих религиозных взглядов, а также проблеме нарушения прав Свидетелей Иеговы (организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ), представители которых продолжают отказываться от службы в армии и лишены прав на

альтернативную гражданскую службу, что, в свою очередь, приводит к уголовным наказаниям верующих.

На основании выявленных нарушений религиозных свобод Комиссия рекомендовала Государственному департаменту США принять меры по ограничению помощи Туркменистану в области безопасности, ввести целевые санкции в отношении государственных органов и должностных лиц и призвать правительство Туркменистана предоставить своим гражданам приемлемую альтернативную гражданскую службу [там же].

Несмотря на такую жесткую оценку со стороны Комиссии, США продолжают сохранять рабочие и деловые контакты с Туркменистаном. До этого страны сотрудничали по широкому перечню вопросов, включая участие США в программах пограничной и региональной безопасности Туркменистана, торговле, образовательных и культурных обменах. В сентябре 2022 г. США направили своих представителей в Туркменистан для возобновления переговоров относительно проведения совместных военных учений между двумя странами.

Примечательно, что еще в ноябре 2022 г. Государственный департамент США занес Туркменистан в список стран, «вызывающих особую озабоченность», однако сохранил в силе отказ от санкций в отношении правительства, мотивируя это «важными национальными интересами Соединенных Штатов» [там же]. Тем самым данный статус существует исключительно на бумаге и не предполагает никаких санкционных последствий для Туркменистана, что, в свою очередь, вызывает официальную критику со стороны Комиссии.

Страны Центральной Азии, находящиеся под наблюдением Комиссии

Необходимо отметить, что аналитиками USCIRF также формируется список стран (special watch list), которые подпадают под «наблюдение» и являются потенциальными кандидатами на включение в число стран, «вызывающих особую озабоченность» (CPC). Из стран Центральной Азии в 2023 г. в вышеуказанный «наблюдательный» список попали Казахстан и Узбекистан.

Согласно оценке религиозных свобод в Казахстане от 2023 г., ситуация в стране остается без изменений: правительство, несмотря на рекомендации USCIRF, так и не предложило никаких «осмысленных реформ» законодательства в религиозной сфере [там же]. В первую очередь речь идет о законе Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 2011 г., который требует обязательной регистрации религиозных организаций, миссионерской деятельности, проведения религиозоведческой оценки религиозных информационных материалов — данные требования расцениваются Комиссией USCIRF как ограничение религиозной активности.

Также, согласно отчету Комиссии USCIRF, правительство Казахстана продолжает подавлять религиозные группы и отдельных представителей нетрадиционного для Казахстана ислама, христиан-протестантов и Свидетелей Иеговы. По информации Комиссии, как минимум 10 мусульман находятся в тюрьмах по приговорам, связанным с их «религиозной активностью в онлайн-пространстве».

Кроме того, авторы отчета обратили внимание на запрет ношения хиджаба в школах, что также воспринимается как нарушение религиозных свобод.

В качестве рекомендаций Комиссия USCIRF предложила Государственному департаменту США продолжить взаимодействовать с Казахстаном по части пересмотра законодательства в сфере религии с целью приведения его в соответствие с «международными стандартами прав человека», а также призвать власти Казахстана освободить всех заключенных, находящихся в тюрьмах из-за своей религиозной активности. Членам Конгресса США рекомендуется выступать за соответствующие реформы и права человека через американо-казахстанский кокус (группу друзей) Конгресса.

Что касается Узбекистана и состояния религиозных свобод в стране, Комиссия USCIRF в своем докладе от 2023 г. констатирует небольшое улучшение динамики в данной сфере, однако отмечает сохранение большей части проблем, связанных с правами человека [там же].

Критике подвергается действие закона Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» от 2021 г., который требует обязательной регистрации религиозных объединений и тем самым ограничивает и даже пресекает религиозную активность в сферах миссионерской деятельности и получения частного религиозного образования. Процесс регистрации, согласно оценке Комиссии USCIRF, для некоторых религиозных групп искусственно усложнен, что делает невозможным осуществление ими религиозной деятельности.

Также Комиссия USCIRF подвергла критике законодательство Узбекистана в области пресечения экстремистской деятельности, которое привело к многочисленным тюремным срокам для мусульман, осуществлявших «мирную религиозную деятельность». Отдельное внимание было уделено «преследованию» членов организаций «Хизб ут-Тахир» и «Нурджулар» (запрещены в РФ).

В целом рекомендации Комиссии USCIRF по Узбекистану для Государственного департамента США во многом совпадают с рекомендациями по Казахстану: это призыв «работать» с правительством Узбекистана с целью пересмотра им закона «О свободе совести и религиозных организациях» и оказывать давление на правительство для освобождения из тюрем граждан, осужденных за «мирную религиозную деятельность» [там же]. Комиссия USCIRF также рекомендовала выделить финансирование Агентству США по международному развитию (U.S. Agency for International Development) и посольству США в Ташкенте для оказания судебной поддержки отдельным лицам и религиозным общинам.

Заключение

Деятельность Комитета США по международной религиозной свободе (USCIRF) в Центральной Азии играет значительную роль в продвижении национальных интересов США в регионе. Несмотря на сложный политический и культурный контекст, Комитет активно взаимодействует с местными властями, международными организациями и гражданским обществом, стремясь оказать влияние на государственную религиозную политику.

Анализ докладов USCIRF и реакции на них демонстрирует, что комитет остается важным инструментом в арсенале внешней политики США с точки зрения оказания политического давления на правительства и гражданское общество стран Центральной Азии, а также создания благоприятных условий для американских религиозных организаций. Последние зачастую рассматриваются как проводники американских ценностей, а также тех параметров религиозных свобод и религиозной культуры, которые соответствуют внешнеполитическим представлениям США. При этом некоторые аспекты деятельности Комиссии (политические доклады, стремление либерализовать законодательство стран Центральной Азии в области религиозных свобод и т. д.) оказывают скорее негативное, а подчас деструктивное влияние на межконфессиональный мир и эффективность религиозной политики стран региона.

Библиографический список

25th Anniversary of International Religious Freedom Act 2024. URL: <https://www.uscirtf.gov/publications/25th-anniversary-international-religious-freedom-act> (дата обращения: 12.02.2024).

Щипков В.А. Политические и институциональные подходы к продвижению международной религиозной свободы в системе внешней политики США в 1998—2020 гг. Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(5). С. 150—181.

Annual Report of The U.S. Commission on International Religious Freedom 2023. URL: <https://www.uscirtf.gov/annual-reports> (дата обращения: 12.02.2024).

Frank R. Wolf International Religious Freedom Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-114hr1150enr/html/BILLS-114hr1150enr.htm> (дата обращения: 12.02.2024).

H.R.2431 — International Religious Freedom Act of 1998. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2431/text> (дата обращения: 12.02.2024).

Religious Freedom Institute. Responding to Religious Repression in Central Asia. URL: <https://religiousfreedominstitute.org/responding-to-religious-repression-in-central-asia/> (дата обращения: 12.02.2025).

United States Commission on International Religious Peace. URL: <https://www.uscirtf.gov/about-uscirtf/about-us> (дата обращения: 12.02.2024).

United States Department of State. Office of International Religious Freedom. <https://www.state.gov/about-us-office-of-international-religious-freedom/> (дата обращения: 12.02.2024).

References

25th Anniversary of International Religious Freedom Act 2024. URL: <https://www.uscirtf.gov/publications/25th-anniversary-international-religious-freedom-act> (accessed: 12.02.2024).

Annual Report of The U.S. Commission on International Religious Freedom 2023. URL: <https://www.uscirtf.gov/annual-reports> (accessed: 12.02.2024).

Frank R. Wolf International Religious Freedom Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-114hr1150enr/html/BILLS-114hr1150enr.htm> (accessed: 12.02.2024).

H.R.2431 — International Religious Freedom Act of 1998. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2431/text> (accessed: 12.02.2024).

Religious Freedom Institute. Responding to Religious Repression in Central Asia. URL: <https://religiousfreedominstitute.org/responding-to-religious-repression-in-central-asia/> (accessed: 12.02.2025).

Shchipkov V.A. Politicheskie i institutsional'nye podkhody k prodvizheniyu mezhdunarodnoy religioznoy svobody v sisteme vneshney politiki SShA v 1998—2020 gg. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. 15(5). Pp. 150—181.

United States Commission on International Religious Peace. URL: <https://www.uscirf.gov/about-uscirf/about-us> (accessed 12.02.2024).

United States Department of State. Office of International Religious Freedom. URL: <https://www.state.gov/about-us-office-of-international-religious-freedom/> (accessed 12.02.2024).

Поступила в редакцию: 13.01.2024.

Принята к публикации: 11.02.2025.

Received: 13 January 2024.

Accepted: 11 February 2025.

Л.А. Шашок, Е.А. Козлова

Китайско-пакистанский экономический коридор: оценка текущих рисков

Аннотация. В статье анализируется текущее состояние проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» (КПЭК) и перспектива его дальнейшей реализации. Отмечается целесообразность участия в нем стран Центральной Азии. Одновременно приводится оценка рисков, угрожающих успешной реализации КПЭК. Авторы проводят обзор социально-экономической ситуации в Пакистане (в частности, в провинции Белуджистан), а также рассматривают подходы КНР к реализации проекта. В статье уделяется особое внимание угрозам в области безопасности — в первую очередь, связанным с активизацией экстремистских и террористических формирований в провинции Белуджистан. Авторы отмечают особую важность политических и военных мер, направленных на защиту китайских инвестиций, и оценивают перспективы возможного пересмотра структуры проекта КПЭК в текущих условиях. Вместе с тем авторы статьи приходят к выводу, что России необходимо использовать сложившуюся геополитическую ситуацию для укрепления отношений с обеими странами.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, международные экономические коридоры, КПЭК, оценка рисков, региональная безопасность.

Авторы: *Шашок Лариса Александровна*, научный сотрудник Центра центрально-азиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-2397-9579. E-mail: shashok@iccaras.ru

Козлова Екатерина Андреевна, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

Larisa A. Shashok, Ekaterina A. Kozlova

China-Pakistan Economic Corridor: Current Risk Assessment

Abstract. The article analyzes the current state of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) project and the prospects for its further implementation. The expedience of participation of Central Asian countries in it is substantiated. The risks threatening the successful implementation of CPEC are assessed. The authors review the socio-economic situation in Pakistan (particularly in the province of Balochistan), and also consider China's approaches to the implementation of the project. The article pays special attention to security threats, primarily related to the intensification of extremist and terrorist activities in the province of Balochistan. The authors note the special importance of political and military measures aimed at protecting Chinese investments and assess the prospects for a possible revision of the CPEC structure in the current conditions. At the same time, the authors of the article come to the conclusion that Russia needs to use the current geopolitical situation to strengthen ties with both countries.

Keywords: China, Pakistan, international economic corridors, CPEC, risk assessment, regional stability.

Authors: Larisa A. Shashok, researcher at the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-2397-9579. E-mail: shashok@iccaras.ru

Ekaterina A. Kozlova, senior research assistant at the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

С начала XXI века развитие международных транспортных коридоров (МТК) стало одной из ключевых тенденций в мировой логистике. Крупнейшие страны мира, такие как Россия, Китай, Индия находятся в поисках более удобных маршрутов для транспортировки товаров и грузов, стараясь снизить логистические издержки и ускорить время доставки. Для государств Евразии создание МТК означает не только существенную инвестицию в развитие торговли, но и укрепление собственной экономики, расширение цифровых технологий, наконец, геостратегическое влияние на соседние государства. Таким образом, разворачивается своеобразная борьба за т.н. «хартленд»¹, то есть евразийское пространство, и, как следствие, происходит пересмотр текущего международного порядка.

Для КНР идея транспортных коридоров превратилась в один из важнейших геополитических проектов — масштабную инициативу «Пояса и пути» (ИПП), которая была выдвинута осенью 2013 г. Этот проект позволил Пекину укрепить отношения с соседними странами Центральной Азии и упрочить позиции в регионе Юго-Восточной Азии [Кучеренко, 2020, с. 35].

На сегодняшний день можно утверждать, что мы наблюдаем определенную конкуренцию среди логистических проектов, поскольку выдвижение «Пояса и Пути» не осталось без ответных действий со стороны других крупных игроков: США, ЕС и их партнеры также продвигают альтернативные варианты по развитию международной транспортной системы, такие как «Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций» (с 2022 г., инициаторы — страны Большой семерки), коридор «Индия—Ближний Восток—Европа» (ИМЕС, с 2023 г.), «Глобальные ворота» (с 2021 г., инициатор — ЕС, включает в себя план инвестирования 300 млрд евро в инфраструктурные проекты до 2027 г.) [Global Gateway, 2024]. Тем не менее, «Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций» представляет собой частную инициативу, объем финансирования которой существенно уступает государственной программе КНР. Кроме того, данный проект, что традиционно для внешней политики стран Запада, сосредоточен на их собственных интересах, в то время как КНР вместе с включением в программу страны-партнера предлагает значительный пакет экономической и инфраструктурной поддержки [Burna-Asefi, 2024].

Ключевая цель инициативы «Пояса и пути» заключается в том, чтобы Китай окончательно приобрел статус высокотехнологичной и высокодоходной эконо-

¹ Термин английского геополитика Х. Маккиндера (1861—1947).

мики, лидирующей в различных секторах промышленности. Ее успешная реализация усилит авторитет страны на международной арене, а также поспособствует смещению центра экономической тяжести дальше на восток.

В апреле 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Пакистана Наваз Шариф (2013—2017) подписали 51 соглашение на сумму 46 млрд долл. в рамках «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК) — флагманского проекта, являющегося частью инициативы «Пояса и пути». Впоследствии объем китайских инвестиций вырос до 62 млрд долл. [Уллах Хан, 2022, с. 136]. Согласно концепции КПЭК, Пакистан получает возможность переориентировать свою экономику на экспорт, тем самым в долгосрочной перспективе способствуя социально-экономическому развитию. По этой причине и китайское, и пакистанское правительства проявляют большой интерес к завершению данного проекта и видят в нем колоссальную возможность для продвижения своих стратегических целей.

Более того, ввиду своего географического расположения и потребностей в экономической интеграции, получить доступ к региональным рынкам стремятся страны Центральной Азии. Теоретически, КПЭК позволит им сделать это, тем самым повысив их конкурентоспособность. Не имеющие выхода к морю государства Центрально-Азиатского региона смогут получить ощутимую выгоду от реализации данного проекта: обеспечив себе доступ к мировому океану через порт Гвадар, они могли бы стимулировать собственную экономику за счет торговли природными ресурсами и развивать коммерческие отношения на глобальном уровне. Пакистан и Китай также выиграют от углубления взаимодействия с государствами Центральной Азии, в частности, обеспечив себе доступ к их богатым природным ресурсам. Таким образом, расширение региональных связей еще больше усилит экономическую интеграцию и сотрудничество в других областях.

Однако, несмотря на внушительный потенциал КПЭК, сохраняется некоторый пессимизм относительно перспектив развития данного проекта. Серьезную обеспокоенность вызывает высокий уровень террористической угрозы, которая продолжает исходить из Афганистана. Кроме того, после повторного прихода к власти в стране движения «Талибан» (запрещено в РФ) заметно ухудшились пакистано-афганские отношения. В совокупности данные факторы оказывают негативное влияние на формирование прочных экономических связей между странами Центральной Азии и Пакистаном.

Теоретически, КПЭК способен вывести Пакистан из экономического кризиса и вовлечь его растущее молодое население в активную экономическую деятельность. Исламабад отдает приоритет геоэкономическому партнерству, и КПЭК предоставляет оптимальную возможность для его достижения. Соответственно, политика национальной безопасности Пакистана также подчеркивает важность реализации данного проекта [Ahmed, 2019].

Целью КПЭК является как преобразование экономики Пакистана путем модернизации его транспортных и энергетических систем, так и соединение глубоководных пакистанских портов Гвадар и Карачи с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР. Данные меры направлены на сокращение време-

ни и издержек, связанных с транспортировкой товаров и энергоресурсов. В рамках КПЭК также предполагается открытие нескольких особых экономических зон, которые предлагают стимулы для инвестиций и призваны стимулировать экономический рост.

Первоначально КПЭК считался настолько значимой инициативой, что был включен в 13-й пятилетний план развития Китая [The 13th Five-Year Plan...]. Однако десятилетние попытки соединить выходящий в Аравийское море пакистанский порт Гвадар (провинция Белуджистан) с городом Кашгар в СУАР пока не принесли видимых результатов, поскольку завершению проекта препятствуют систематические проблемы в сфере безопасности, из-за которых многие его составляющие по-прежнему остаются в подвешенном состоянии.

Председатель КНР Си Цзиньпин считает, что КПЭК является «ярким свидетельством всепогодной дружбы между Китаем и Пакистаном» [Xi Jinping Meets with Prime Minister of Pakistan...]. Исламабад, в свою очередь, с 1990-х годов стремится к тесному партнерству с Пекином, особенно в военной и экономической сферах. Китай является крупнейшим иностранным инвестором в Пакистане, и обе страны поддерживают друг друга на многосторонних форумах. Тесные военные связи Китая с Пакистаном включают в себя соглашения об обмене информацией и разведывательными данными, главы вооруженных сил обоих государств систематически проводят встречи на ведомственном уровне.

Пекин также наращивает сотрудничество с Исламабадом, поставляя военную технику: например, Пакистан был первым иностранным покупателем китайского истребителя J-10C [Minister: Pakistan Bought Chinese J-10 Jets...]. Согласно данным SIPRI, в период с 2020 по 2024 год 81 % импорта вооружений Пакистана приходилось на Китай [Ukraine the world's biggest arms importer...]. Некоторые региональные эксперты оценивают отношения между странами как находящиеся на пороге альянса. По этой причине военный истеблишмент Пакистана ожидаемо является активным сторонником КПЭК.

Несмотря на задержки в реализации проекта, на сегодняшний день его участники добились определенных успехов. В официальных документах ИПП освещаются достижения КПЭК, включая развитие транспортных сетей, строительство электростанций и иной энергетической инфраструктуры, а также появление особых экономических зон. До прихода китайских инвестиций Пакистан страдал от регулярных отключений электроэнергии продолжительностью до 15 часов в сутки, поэтому можно утверждать, что финансирование Китаем строительства электростанций смягчило энергетический кризис в стране. Возведение энергетической инфраструктуры на территории Пакистана китайскими компаниями будет продолжаться: в данный момент в стране идет строительство атомной электростанции, которая станет крупнейшим в Пакистане проектом атомной энергетики поколения III+ [China and Pakistan ink \$4.8 billion deal...].

Однако, несмотря на видимые преимущества, в реальности эти достижения нивелируются множеством проблем, среди которых — трудности с финансированием, угроза безопасности, а также негативные настроения со стороны местного населения по отношению к тому, что оно считает китайским экспансионизмом.

Ситуация с портом Гвадар, возможно, является наиболее наглядным примером проблем, с которыми Китай сталкивается при реализации инфраструктурных проектов на территории Пакистана. Развитие порта является ключевым стратегическим компонентом КПЭК. Первоначальная концепция предусматривала прямую транспортировку китайской нефти и других товаров через Аравийское море между западным Китаем и Пакистаном. В 2017 г. China Overseas Port Holding Company арендовала порт на срок до 40 лет, в результате чего Китай стал одновременно его оператором и разработчиком инфраструктуры.

Теоретически Гвадар не только способен обеспечить более короткий маршрут с меньшими издержками для импортируемых Китаем товаров, но также предоставить Пекину безопасный доступ к Аравийскому морю в случае потенциального кризиса, связанного с Никобарскими островами, Малаккским проливом или Южно-Китайским морем [Губин, 2024]. Однако проблемы, с которыми сталкивается проект порта, также включают в себя нюансы физической географии, финансовые трудности и, что ощущается наиболее остро, угрозу его безопасности.

Парадоксально, но, несмотря на то, что провинция Белуджистан является одним из беднейших и наименее развитых регионов Пакистана, ее население проявляет жесткое противостояние китайской экспансии. Десятки китайских инженеров и рабочих, участвовавших в строительстве проектов КПЭК, стали объектами нападения, были ранены или убиты исламскими экстремистами и белуджскими этносепаратистами. Среди наиболее громких терактов, совершенных против граждан Китая — вооруженное нападение на консульство КНР в Карачи в 2018 г., нападение на китайских туристов в отеле Pearl Continental в Гвадаре в 2019 г. и самоподрыв террористки-смертницы в Институте Конфуция при Университете Карачи в 2022 г.

За вооруженными атаками против китайских объектов в Пакистане стоят такие террористические группировки, как «Армия освобождения Белуджистана», «Техрик-е-Талибан Пакистан» и «Исламское движение Восточного Туркестана» (деятельность данных организаций запрещена в РФ) [Шашок, 2024].

Существуют также структурные экономические нюансы, которые усугубляют вышеперечисленные проблемы: в ходе реализации коммерческого проекта КПЭК пакистанские власти перенаправили государственные расходы в более развитые провинции, что обострило экономическое неравенство между регионами.

Экономика Пакистана характеризуется низкими темпами роста и ее поддержание зависит от внешних факторов, главным из которых является иностранная помощь, оказываемая через МВФ. Вследствие негативного влияния рисков, связанных с КПЭК, экономика Пакистана стала еще больше ослаблена долговым бременем проекта. По состоянию на 2023 год китайские кредиты от правительства и коммерческих банков составляли практически 30 % внешнего долга страны [Pakistan foreign minister says country...]. Хотя Исламабаду удалось договориться с МВФ о финансовой помощи в размере 7 млрд долл. в сентябре 2024 г. и согласовать продление графика погашения долгов на общую сумму 15,5 млрд долл. с китайскими кредиторами, Пакистан по-прежнему имеет критически высокий уро-

вень заемных средств, что создаст серьезные риски, если экономическая ситуация в стране продолжит ухудшаться [Pak mulls 5-yr extension...].

Обязательства Исламабада по погашению долга перед иностранными кредиторами резко возросли после девальвации пакистанской рупии по отношению к доллару США почти на 40 % с мая 2021 г. по начало 2023 г. Экономическая нестабильность стала фактором задержек проектов с китайской стороны, что впоследствии усугубило ситуацию на местах в Пакистане.

С учетом вышеперечисленных факторов высока вероятность того, что повестка КПЭК в ближайшие годы будет существенно пересмотрена. Имеющиеся риски не исключают сближения китайского правительства с военным истеблишментом Пакистана в вопросе дальнейшей реализации проекта, так как военные могут послужить своего рода гарантом безопасности китайских проектов. Интерес Пекина не в последнюю очередь обусловлен тем, что военная мощь Пакистана помогает уравновесить доминирование Индии в регионе.

Наращивание прямого присутствия Китая в пакистанской сфере безопасности возможно через предлагаемую военную базу в Гвадаре [Hossain, 2024]. Стратегическая ценность данного порта соответствует морским амбициям Пекина в Индийском океане, направленным на противовес альянсу США и Индии. В настоящее время Китай управляет семью портами Южной Азии и 17 портами в Индийском океане, что одновременно служит его коммерческим целям и обеспечению безопасности [Tracking China's Control of Overseas Ports].

Несмотря на то, что в настоящий момент между Китаем и Пакистаном отсутствует соглашение, в котором была бы открыто сформулирована подобная стратегия, вероятность его появления в обозримой перспективе высока. Продолжающиеся проблемы в сфере безопасности и экономики только усиливают зависимость Пакистана от Китая. Открытым остается вопрос, насколько пакистанский истеблишмент будет готов принять меняющуюся реальность и совершить столь критический сдвиг во внешнеполитической автономии Исламабада.

Говоря об экономических и геополитических интересах РФ в контексте КПЭК, в первую очередь следует отметить, что транснациональные коридоры стали ключевым приоритетом в диверсификации торговых маршрутов в рамках евразийской интеграции. В данный момент к таковым относятся МТК «Север—Юг», «Северный морской путь» и «Северный коридор». Подход, ориентированный на их развитие, понимается российскими политическими элитами как инструмент построения «Большого евразийского партнерства» (БЕП). Его актуальность обусловлена целесообразностью интеграции энергетической инфраструктуры Центральной и Южной Азии, а участие РФ в подобных проектах является важной составляющей региональной политики Москвы. Среди целей, преследуемых в рамках БЕП, ключевое место занимает формирование зон свободной торговли и межрегиональных торгово-экономических союзов, а также объединение интеграционных проектов на всем обширном евразийском пространстве.

Переход мирового порядка к многополярности, продолжающееся давление на Россию со стороны коллективного Запада, а также проблемы в сфере региональной безопасности поднимают актуальный вопрос о наращивании сотрудничества с крупными державами в лице Пакистана и Китая в рамках поворота Рос-

сии на Восток. Первый формальный шаг навстречу сближению был сделан в июне 2024 г.: Исламабад выразил готовность присоединиться к проекту международного транспортного коридора «Север—Юг» в соответствии с видением Президента России В. Путина. Об этом летом 2024 г. заявил посол Пакистана в РФ Мухаммад Халид Джамали, выступая на Международном IT-форуме в Ханты-Мансийске [Посол Пакистана заявил о готовности...]. Вопрос о соединении транспортного коридора «Север—Юг» с пакистанским портом Гвадар, а затем с КПЭК, еще в 2017 г. обсуждался президентами Пакистана и Азербайджана. С учетом того, что Транскаспийский маршрут в рамках МТК «Север—Юг» в данный момент не справляется с возросшим грузопотоком, соединение КПЭК с МТК «Север—Юг» является целесообразной инициативой.

Потенциальное вовлечение России в дальнейшее развитие проекта КПЭК обеспечит наращивание трехсторонних связей между Москвой, Пекином и Исламабадом, что в долгосрочной перспективе способно привести к прочному экономическому союзу на Востоке, а также изменению геополитического баланса, обусловленному постепенным отдалением Пакистана от США и ослаблением влияния Вашингтона в регионе. Таким образом, рассмотрение проекта КПЭК в рамках более обширного регионального партнерства отвечает национальным интересам Российской Федерации.

Библиографический список

Кучеренко Г.Н. Перспективы и вызовы для Камбоджи в инициативе «Один пояс — один путь» // Историческая психология и социология истории. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-vyzovy-dlya-kambodzhi-v-initsiative-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 04.02.2025).

Губин А. Кра или не Кра? — вот в чем вопрос. Перспективы преодоления «Малаккской дилеммы». Российский совет по международным делам. 30.07.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kra-ili-ne-kra-vot-v-chem-vopros-perspektivy-preodoleniya-malak-kskoy-dilemmy/?sphrase_id=180633455 (дата обращения: 25.12.2024).

Шашок Л.А. Белуджские сепаратисты бьют по китайским проектам в Пакистане. 15.09.2024. Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-09-15/3_9093_kb.html (дата обращения: 22.11.24).

Уллах Хан Х., Ю Ш. Китайско-пакистанский экономический коридор: решение проблем безопасности в Белуджистане посредством торговли и развития // Вестник МГИМО-Университета. 2022; 15(5). С. 135—149.

Ahmed, Z. S. (2019). Impact of the China—Pakistan Economic Corridor on Nation-Building in Pakistan. *Journal of Contemporary China*. 28 (117). Pp. 400—414.

Burna-Asefi, S. N. (2024) The 'Corridorizing' of Asia: Cooperation, Competition, and Consequences. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/07/the-corridorizing-of-asia-cooperation-competition-and-consequences/> (дата обращения: 10.11.24).

European Commission. (2024). Global Gateway. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения: 10.11.24).

China and Pakistan ink \$4.8 billion deal to build 1,200-megawatt nuclear power plant: report. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292971.shtml> (дата обращения: 07.11.24).

China's \$62 Billion Bet on Pakistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-10-24/chinas-62-billion-bet-pakistan> (дата обращения: 10.11.24).

European arms imports nearly double, US and French exports rise, and Russian exports fall sharply. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2024/european-arms-imports-nearly-double-us-and-french-exports-rise-and-russian-exports-fall-sharply> (дата обращения: 30.10.24).

George, M., Djokic, K., Hussain, Z., Wezeman, P. D., and Wezeman, S. Trends in International Arms Transfers, 2024. *SIPRI*. March 2025. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf (дата обращения: 11.03.25).

Hossain, N. (2024). Pakistan considers Chinese Military Base at Gwadar, raising sovereignty concerns. URL: <https://www.khaama.com/pakistan-considers-chinese-military-base-at-gwadar-raising-sovereignty-concerns/> (дата обращения: 28.10.24).

Minister: Pakistan Bought Chinese J-10 Jets To Counter India's Rafales. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2021/12/31/minister-pakistan-bought-chinese-j-10-jets-to-counter-indias-rafales/> (дата обращения: 12.11.24).

Pak mulls 5-yr extension on \$15.5 bn Chinese debt amid IMF loan talks. URL: https://www.business-standard.com/world-news/pak-mulls-5-yr-extension-on-15-5-bn-chinese-debt-amid-imf-loan-talks-124051700956_1.html (дата обращения: 04.11.24).

Pakistan foreign minister says country not in China 'debt trap'. URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/Pakistan-foreign-minister-says-country-not-in-China-debt-trap> (дата обращения: 19.10.24).

Rafiq, A. China's \$62 Billion Bet on Pakistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-10-24/chinas-62-billion-bet-pakistan> (дата обращения: 14.11.24).

Roblin, S. Minister: Pakistan Bought Chinese J-10 Jets To Counter India's Rafales. *Forbes*. 03.01.2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2021/12/31/minister-pakistan-bought-chinese-j-10-jets-to-counter-indias-rafales/> (дата обращения: 22.10.24).

The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of The People's Republic of China (2016—2020). URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (дата обращения: 03.10.24).

Xi Jinping Meets with Prime Minister of Pakistan Anwaar-ul-Haq Kakar. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n101/2023/1020/c130-1290.html> (дата обращения: 14.11.24).

References

Ahmed, Z. S. (2019). Impact of the China—Pakistan Economic Corridor on Nation-Building in Pakistan. *Journal of Contemporary China*. 28(117). Pp. 400—414.

Burna-Asefi, S. N. (2024). The 'Corridorizing' of Asia: Cooperation, Competition, and Consequences. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/07/the-corridorizing-of-asia-cooperation-competition-and-consequences/> (accessed: 15.11.24).

China and Pakistan ink \$4.8 billion deal to build 1,200-megawatt nuclear power plant: report. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292971.shtml> (accessed: 07.11.24).

China's \$62 Billion Bet on Pakistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-10-24/chinas-62-billion-bet-pakistan> (accessed: 10.11.24).

European Commission. (2024). *Global Gateway*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (accessed: 12.11.24).

European arms imports nearly double, US and French exports rise, and Russian exports fall sharply. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2024/european-arms-imports-nearly-double-us-and-french-exports-rise-and-russian-exports-fall-sharply> (accessed: 30.10.24).

Gubin A. To Kra or Not to Kra? — That is the Question. Prospects for Overcoming the “Malacca Dilemma”. Russian International Affairs Council. 30.07.2024. (accessed: 25.12.2024).

George, M., Djokic, K., Hussain, Z., Wezeman, P. D., and Wezeman, S. Trends in International Arms Transfers, 2024. *SIPRI*. March 2025. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf (accessed: 11.03.25).

Hossain, N. (2024) Pakistan considers Chinese Military Base at Gwadar, raising sovereignty concerns. URL: <https://www.khaama.com/pakistan-considers-chinese-military-base-at-gwadar-raising-sovereignty-concerns/> (accessed: 28.10.24).

Kucherenko, G. N. (2020). Prospects and challenges for Cambodia in the “One Belt, One Road” initiative. *Istoricheskaya Psikhologiya i Sotsiologiya Istorii*. 1(2020). Pp. 35—44.

Minister: Pakistan Bought Chinese J-10 Jets To Counter India's Rafales. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2021/12/31/minister-pakistan-bought-chinese-j-10-jets-to-counter-indias-rafales/> (accessed: 12.11.24).

Pak mulls 5-yr extension on \$15.5 bn Chinese debt amid IMF loan talks. URL: https://www.business-standard.com/world-news/pak-mulls-5-yr-extension-on-15-5-bn-chinese-debt-amid-imf-loan-talks-124051700956_1.html (accessed: 04.11.24).

Pakistan foreign minister says country not in China 'debt trap'. URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/Pakistan-foreign-minister-says-country-not-in-China-debt-trap> (accessed: 19.10.24).

Rafiq, A. China's \$62 Billion Bet on Pakistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-10-24/chinas-62-billion-bet-pakistan> (accessed: 14.11.24).

Roblin, S. Minister: Pakistan Bought Chinese J-10 Jets To Counter India's Rafales. *Forbes*. 03.01.2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2021/12/31/minister-pakistan-bought-chinese-j-10-jets-to-counter-indias-rafales/> (accessed: 22.10.24).

Shashok L. A. Baloch Separatists Target Chinese Projects in Pakistan. 15.09.2024. *Nezavisimaya Gazeta*. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-09-15/3_9093_kb.html (accessed: 22.11.24).

The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of The People's Republic of China (2016—2020). URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 03.10.24).

Ullah Khan H., Yu Sh. China-Pakistan Economic Corridor: Meeting Security Challenges in Balochistan Through Trade and Development. *MGIMO Review of International Relations*. 2022; 15(5). Pp. 135—149.

Xi Jinping Meets with Prime Minister of Pakistan Anwaar-ul-Haq Kakar. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n101/2023/1020/c130-1290.html> (accessed: 14.11.24).

Поступила в редакцию: 15.01.2025.
Принята к публикации: 02.02.2025.

Received: 15 January 2025.
Accepted: 2 February 2025.

DOI: 10.48647/ICCA.2025.33.24.009

I Международная молодежная научная конференция «Новая Евразия: пути интеграции и сотрудничества» в Институте Китая и современной Азии РАН

Авторы: Антоновская Варвара Владимировна, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0000-6647-6034. E-mail: antonovskaya@iccaras.ru

Козлова Екатерина Андреевна, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

24—25 декабря 2024 г. в ИКСа РАН состоялась I Международная молодежная научная конференция «Новая Евразия: пути интеграции и сотрудничества». Организатором конференции выступил коллектив Центра центральноазиатских исследований ИКСа РАН.

Заявки на конференцию были поданы от более чем пятидесяти молодых ученых не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но также из Уфы, Владивостока, Калининграда, Казани и других городов. Конференция прошла в смешанном формате с подключением онлайн-участников через сервис «Яндекс. Телемост».

С приветственным словом выступили руководитель Центра центральноазиатских исследований ИКСа РАН, кандидат политических наук Д.П. Новиков и главный научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований, доктор экономических наук, профессор Г.О. Халова.

Первая секция была посвящена геополитике и безопасности в Евразии. Модератором секции выступил руководитель Центра центральноазиатских исследований ИКСа РАН, кандидат политических наук Д.П. Новиков.

Открывал секцию Г.Д. Монахов, студент Дальневосточного федерального университета, который представил доклад, посвященный стратегическим интересам Индии и Китая в эксплуатации Северного морского пути.

Геополитический фокус расширил К.С. Кудрявцев (ДВФУ), представив доклад о турецкой политике в Центральной Азии. В докладе было отмечено, что

Турция активно расширяет свое влияние в регионе, используя экономические и культурные инструменты, а также развивая сотрудничество в рамках Организации тюркских государств.

Завершил секцию доклад В.Э. Борискина (ИСАА МГУ, ИМЭМО РАН), посвященный проблемам безопасности в Центральной Азии. Особый акцент был сделан на роли Таджикистана в ее обеспечении.

Следующая секция была посвящена Китаю в Евразии. Модератором секции выступила научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований ИКСа РАН Перминова Александра Александровна.

Е.М. Федорова, студентка 3 курса ИСАА МГУ, представила доклад, посвященный трансграничному использованию национальных платежных систем Китая и Индии. В своем выступлении она рассмотрела промежуточные итоги взаимодействия двух стран в сфере финансовой интеграции и возможные перспективы их сотрудничества в рамках евразийского экономического пространства.

А.Е. Мендагазиев, стажер-исследователь Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ, представил исследование о подходах Китая к оказанию содействия развитию в целях митигации политических рисков в Центральной Азии. В своем выступлении докладчик подчеркнул, что регион остается зоной высокого уровня нестабильности, что обусловлено рядом факторов: социально-экономическим дисбалансом, трансграничными угрозами безопасности и изменением нормативно-правового регулирования.

Следующий доклад, представленный В.В. Моисейцевым, независимым исследователем, соискателем НИУ ВШЭ, был посвящен трансформации китайских интересов на постсоветском пространстве. В своем исследовании автор проследил эволюцию китайской политики с момента распада СССР до современного этапа.

После этого аспирантка второго года обучения ИСАА МГУ А.А. Ковалева представила доклад о сотрудничестве Китая и Казахстана в области экономического развития. Она рассмотрела ключевые аспекты торговых и инвестиционных отношений между двумя странами, а также проанализировала влияние китайских инициатив на экономику Казахстана.

Затем с докладом выступила студентка 2 курса магистратуры ННГУ им. Лобачевского К.С. Тихомирова, затронув деятельность Китая в рамках БРИКС и его роль в формировании нового мирового порядка.

А.В. Котик, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления, исследователь АНО «Сибирское общество международных исследований», представил доклад, основанный на анализе работы «Отчет о развитии стран Центральной Азии в 2023 году».

Далее студент УУНИИТ С.Р. Хазиахметов представил доклад, посвященный роли Китая на Ближнем Востоке.

Д.Д. Тупиков, студент 4 курса юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, выступил с исследованием российско-китайского сотрудничества в сфере международной безопасности.

А.А. Цветкова, студентка 1 курса магистратуры факультета философии и политологии Томского государственного университета, представила доклад, посвященный социально-экономическому влиянию инициативы «Пояса и пути» на страны Центральной Азии.

Д.И. Мисник, студентка 4 курса Забайкальского государственного университета, завершила секцию докладом о пользовательской активности китайской молодежи в социальных сетях.

В рамках секции «Экономическое сотрудничество» было заслушано 9 докладов. Модераторами выступили доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН Г.О. Халова и аналитик РГУ нефти и газа им. Губкина Е.А. Исаева.

А.С. Федотова, студентка 2 курса магистратуры РГУ нефти и газа им. Губкина, факультет международного энергетического бизнеса, представила доклад, посвященный международной кооперации как инструменту реагирования на геополитические риски. В своем исследовании она рассмотрела деятельность ОПЕК+ и БРИКС, уделив особое внимание механизму формирования цен на нефть и роли России в этих объединениях.

Затем студент 2 курса КМПО Президентской академии РАНХиГС В.В. Куликов представил доклад, в котором рассмотрел вопросы цифровой экономики, цифрового суверенитета и кибербезопасности.

А.И. Сабанцев, магистрант факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, аналитик-исследователь Asia Pacific, выступил с докладом о детерминантах и мотивации китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в странах Центральной Азии в контексте реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). В своем исследовании он проанализировал ключевые факторы, влияющие на китайские инвестиционные потоки в регион, включая ВВП, экспорт, природную ренту, стабильность институтов и уровень коррупции.

Далее И.А. Лукашова, студентка 4 курса Санкт-Петербургского государственного университета, представила доклад, посвященный экономическому сотрудничеству между Россией и Индией в новых реалиях.

После этого Е.А. Окунева, студентка 5 курса Вологодского государственного университета, представила доклад об экономической устойчивости и региональном сотрудничестве в Юго-Восточной Азии на примере Индонезии.

Затем В.Е. Христолюбова, независимая исследовательница, рассмотрела влияние опыта Южной Кореи на развитие технологий и цифровой экономики в России.

А.А. Суханов, аспирант Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, представил доклад, посвященный финансовым технологиям и криптовалютам как драйверам евразийской интеграции. В своем исследовании он рассмотрел, как финансовые технологии могут ускорить трансграничные расчеты, снизить стоимость транзакций и минимизировать валютные риски.

В рамках секции «Энергетика и инфраструктурные проекты» было заслушано 5 докладов. Модераторами также выступили доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра центральноазиатских исследо-

ваний ИКСА РАН Г.О. Халова и аналитик РГУ нефти и газа им. Губкина Е.А. Исаева.

Н.С. Бокарев, аспирант РГУ нефти и газа им. Губкина, представил доклад, посвященный анализу зарубежного опыта использования газомоторного топлива и перспективам его применения в России.

В.О. Гришина, магистр РГУ нефти и газа им. Губкина, выступила с докладом об энергетическом сотрудничестве России и Монголии, уделив особое внимание ключевым совместным проектам.

А.М. Сарилов, магистрант 1 курса ННГУ им. Н.И. Лобачевского, представил доклад об энергетическом сотрудничестве в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), отметив, что энергетический сектор остается одной из ключевых сфер взаимодействия государств-участников.

И.К. Кальченко, студент 3 курса Тюменского государственного университета по направлению «Международные отношения», представил доклад о развитии Северного морского пути и его значении для российско-китайского сотрудничества в условиях санкционного давления.

А.Ю. Фадеева, младший научный сотрудник Лаборатории внешнеполитической экспертизы Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН, представила доклад о перспективах реализации экономического коридора «Китай—Монголия—Россия» в контексте интеграционных процессов Евразии. Доклад А.Ю. Фадеевой завершил первый день конференции.

25 декабря состоялся второй день, который начался с секции «Международные отношения в Евразии». Модераторами секции выступили доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Ш.М. Еникеев, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник С.В. Михневич, а также кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Н.И. Иллерицкий. В рамках первой секции второго дня было заслушано шесть докладов.

Аспирант ИКСА РАН Фэн Бовэй выступил с докладом, посвященным российско-корейскому партнерству и его значению для евразийской системы безопасности. Докладчик отметил, что укрепление двустороннего сотрудничества может стать важным шагом в формировании многополярной архитектуры безопасности в регионе.

Затем Е.А. Козлова, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН, рассмотрела культурную дипломатию России в отношении молодежи Центральной Азии. Докладчица отметила важность дальнейшего развития двусторонних отношений в этом направлении.

После этого Е.С. Комарова, студентка 4 курса МГИМО МИД РФ, представила анализ политики США на Южном Кавказе, рассмотрев ее влияние на безопасность региона и перспективы ОДКБ. Докладчица отметила ключевые вызовы, с которыми сталкивается организация в условиях растущего геополитического давления.

Далее С.С. Кадыров, студент 1 курса магистратуры факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, выступил с докладом об образовательной политике Великобритании и США в Узбекистане. Он проанализировал, как

западные образовательные программы используются в качестве инструмента внешнеполитического влияния.

Затем Е.В. Данилова, студентка 4 курса факультета международных отношений Воронежского государственного университета, осветила сотрудничество стран ШОС в области информационной безопасности, уделив особое внимание усилиям организации по противодействию киберугрозам и защите цифрового суверенитета.

После нее А.В. Сорокин, студент 4 курса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, представил доклад о стратегии Японии по продвижению устойчивого развития в Центральной Азии. Он отметил, что Япония активно использует зеленые технологии и инфраструктурные проекты для укрепления своего влияния в регионе.

Секция «Евразийская интеграция», в которой рассматривались ключевые аспекты сотрудничества стран региона, стала также очень плодотворной для участников конференции. Модераторами вновь выступили доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Ш.М. Еникеев, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник С.В. Михневич и кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Н.И. Иллерицкий.

Первой выступила Д.М. Грибанова, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политической географии и современной геополитики НИУ ВШЭ, с докладом о роли зеленой кооперации как фактора интеграции евразийского пространства. Докладчица отметила, что экологические инициативы становятся важным элементом регионального сотрудничества, способствуя устойчивому развитию и укреплению взаимодействия между странами.

Затем А.С. Новобрицкий, студент 4 курса Финансового университета при Правительстве РФ, представил анализ перспектив интеграции стран ЕАЭС в сфере корпоративной социальной ответственности (КСО), опираясь на опыт Европейского союза. Докладчик рассмотрел возможные механизмы адаптации европейских практик к евразийскому пространству, подчеркнув их значимость для формирования единого экономического пространства.

Далее Ш.И. Самиев, студент 4 курса Государственного университета управления, выступил с докладом о сотрудничестве стран ЕАЭС с другими интеграционными объединениями. Он обозначил ключевые стратегические приоритеты в развитии внешних экономических связей, подчеркнув важность диверсификации партнерств для укрепления позиций ЕАЭС в глобальной экономике.

А.С. Цветкова, студентка 1 курса магистратуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, рассмотрела вызовы и возможности евразийской интеграции в арктических проектах, отметив, что освоение Арктики может стать как точкой экономического роста для стран ЕАЭС, так и зоной геополитической конкуренции.

Затем Д.В. Кравченко, студент 3 курса УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, представил доклад, посвященный влиянию политики памяти в Казахстане на развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Он подчеркнул, что историческая политика может оказывать как стабилизирующее, так и дестабилизирующее влияние на интеграционные инициативы, что требует особого внимания при выстраивании диалога между странами.

Завершил секцию Я.М. Чижиков, студент УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, рассмотрев проблему дисбаланса наднациональных и государственных интересов как препятствие на пути к евразийской интеграции. В своем выступлении он выделил ключевые противоречия между национальными приоритетами и стремлением к углублению интеграционных процессов, предложив возможные пути их разрешения.

Закрывала конференцию международная секция на английском языке, в рамках которой выступили участники из КНР, Ирана и Индии. Модерировали секцию доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Ш.М. Еникеев, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник С.В. Михневич, а также кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Н.И. Иллерицкий.

Первой выступила Ваньюй Жэнь, аспирантка ИКСА РАН. В своем докладе она рассмотрела особенности и вызовы, с которыми сталкивается приграничное сотрудничество России и Китая на современном этапе.

Затем слово взял Рави Радж, исследователь Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Индия). Докладчик проанализировал исторические и современные причины конфликтов в Ферганской долине, одной из самых сложных зон Центральной Азии в этнополитическом отношении.

Завершил работу секции Саид Хаваринежад, аспирант Томского государственного университета, факультета исторических и политических исследований, кафедры современной истории и международных отношений. В своем выступлении он рассмотрел риторику российских лидеров в отношении стратегического партнерства с Ираном в контексте евразийской интеграции.

В каждой секции были определены победители и лауреаты. По итогам конференции лучшие статьи будут опубликованы в следующих номерах журнала «Евразийские исследования». Дипломы лауреатов и сертификаты участников были направлены всем выступившим в электронном виде.